

МЭРИ ЭЛИС МОНРО

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ДЛЯ СОЛНЕЧНОГО НАСТРОЕНИЯ

Тысячи ночей у открытого окна

«Романы М.Э. Монро –
это особый мир, полный
загадок и очарования».

Amazon.com

«Жизнеутверждающее
произведение от мастера
романтической прозы».

Daily Mail

Бестселлеры для солнечного настроения (Эксмо)

Мэри Элис Монро

Тысячи ночей у открытого окна

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Монро М.

Тысячи ночей у открытого окна / М. Монро — «Эксмо»,
2013 — (Бестселлеры для солнечного настроения (Эксмо))

ISBN 978-5-699-89626-4

Фэй О'Нил, мать-одиночка с двумя детьми, забыла, что такое мечтать и верить в сказки. Но стоило ей переехать в старинный викторианский особняк, как начали происходить загадочные события. По ночам Фэй мерещатся странные огоньки за окном, а в квартире над ней живет чудаковатая старушка Венди, которая считает себя подругой знаменитого сказочного персонажа Питера Пэна. Поначалу Фэй не отнеслась к этому серьезно, однако знакомство с другим соседом – Джеком Грэхемом – заставило ее по-другому взглянуть на происходящее. Джек не помнит ничего о своем детстве, и единственная зацепка, которую он находит, приводит его... к Венди.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-89626-4

© Монро М., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мэри Элис Монро

Тысячи ночей у открытого окна

Иногда сказки становятся былью.

Mary Alice Monroe

Second Star To The Right

Copyright © 2013 by Mary Alice Monroe, Ltd.

© Бологова В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,

2016

Пролог

Джек проснулся, когда свет коснулся его закрытых век. Это было как быстрая вспышка – сверкающая и острая, как стилет. А потом все закончилось. Он резко сел на кровати и начал тереть глаза, а в его ушах все звучал звон колокольчиков. Темно-серый сумрак пронзала желтая струя света, проникающая в комнату через открытое окно. Это просто свет от обычного лондонского уличного фонаря, понял он, стряхнув с себя сонное оцепенение. Он скользнул взглядом по знакомой мебели, скрывающейся в полумраке: комод с тремя выдвижными ящиками и торчащими из них носками, кресло с кожаной обивкой, погребенное под ворохом одежды, торшер, отбрасывающий косую тень. Вокруг царил тишина. Тишина и покой. Он потер шею, провел рукой по отросшей щетине, постепенно просыпаясь.

Опять эта напасть! Маленький сгусток света, не больше его кулака, вырывался из гардероба, метался по полу и стенам в беспорядочном хаотическом безумии и затем исчезал в двери. Джек полностью и окончательно проснулся, его сердце бешено стучало. Охота продолжалась! Отбросив одеяло, Джек выбрался из кровати, быстро прошел по скрипящим половицам и выглянул из двери, прислушиваясь к ночным звукам.

В конце холла на стенах кружился в диком сумасшедшем танце шарик света, изредка касаясь пола и подпрыгивая вверх. Затем он скакнул за угол и скрылся в кухне.

Джек осторожно прокрался к стойке в прихожей, отодвинул торчащие из нее зонтики и схватил большой сачок для бабочек. На этот раз он сделает все, чтобы поймать этот световой мячик, поклялся он себе, пробираясь вслед за скачущим объектом своей охоты на кухню.

Большая старая кухня со слегка отсвечивающими в лунном свете кухонной плитой и голубыми кафельными стенами была погружена в жутковатую, полную странных предчувствий и страхов тишину. Выставив вперед свое оружие, Джек просканировал взглядом пол, стены, мебель. Ни малейших признаков даже крошечных световых точек.

– Ну ладно, хватит! – крикнул он голосом, хрипловатым спросонья. – Кто тут есть?

В ответ – лишь звук шелестящих на ветру занавесок. Джек подошел к приоткрытому окну и, прищурившись, взгляделся во тьму за стеклом, но увидел лишь старый, заросший сад. Задняя дверь была закрыта, он проверил и убедился в том, что она была к тому же и заперта. Снаружи и откуда-то еще раздавался странный стук. Словно ветер хлопал деревянной калиткой или черепица с крыши сыпалась на землю. Прихватив из кабинета электрический фонарик, он распахнул заднюю дверь и вышел в сад, держа направление на звук.

Луч света от его фонарика, подобно змее, скользил по каменным стенам, исчезая и вновь выныривая на поверхность при встрече с трещинами и швами между камнями. Джек двигался вдоль неровных каменных плит площадки, в центре которой стояла изящная бронзовая фигура мальчика, играющего на флейте. Тонкий слой пыли от обветшавших стен окутывал фигуру мальчика, словно бледный истлевший покров, чуть светящийся в лунном свете, придавая ему нереальный, призрачный вид. Когда луч фонарика осветил бронзовое лицо, под искажающей его черты пыльной маской Джек обнаружил дерзкую насмешливую улыбку и дразнящий, вызывающий взгляд.

Слева от Джека метнулась в небо тень. Он резко развернулся и успел заметить вспышку света на верхушке крыши. Там, на третьем этаже, было французское окно с маленьким карнизом, обрамленным изящными коваными перилами. Очень изящное окошко. И совершенно недоступное, решил он, оценивая возможность добраться до третьего этажа. Там никого не было и, как он мог судить, не существовало вообще никакого способа взобраться наверх. Так же, как и спуститься туда с крыши. Ничто не могло потревожить Безумную Венди, которая жила на верхнем этаже. Ей было девяносто с лишним лет, и этой милой старой леди необходим хороший сон. Так же, как, очевидно, и ему самому. Джек опустил руки и покачал

головой, смеясь над своим разыгравшимся воображением. Здесь ничего и никого не было. Ни вторжения, ни световых шариков – просто взрослый человек в трусах с глупым лицом, в руках сачок для бабочек. Что бы его ни разбудило, сейчас здесь уже ничего странного не наблюдалось. И все же Безумная Венди – не единственная, кто видит нечто удивительное, летающее по ночам, подумал он.

Потушив фонарик, Джек прислонился к холодным камням возле своей двери и зевнул. Напряжение отпустило его. Расслабившись, он задрал голову и стал смотреть на звезды, которые полюбил еще с тех пор, как мальчиком в Небраске лежал на кукурузном поле, потягивая виноградный «Нихай». Он без труда отыскал ярко мерцающую Полярную звезду, созвездие Большой Медведицы. А затем его взгляд скользнул к Северной Короне¹.

Надо сказать, мысль о существовании НЛО или чего-нибудь в этом роде никогда не вызывала у Джека отторжения. Он всегда смотрел на небо в надежде найти что-то неизведанное, заглядывал в расщелины скал в поисках никому не ведомых ползучих чудовищ. И разве всю свою жизнь он не занимался тем же самым? И в свои тридцать шесть лет известный физик Джек Грэхем оставался все тем же любопытным мальчишкой, испытывающим восторг от новых открытий.

Но только не сегодня ночью, подумал он, пробегая пальцами по своим выющим волосам, и криво усмехнулся. Нет, сегодня таинственные огоньки скорее уж можно объяснить несвежим бифштексом, съеденным на ужин. Британец в такой ситуации подумал бы о глотке чая с перечной мятой, который мог бы исправить ситуацию, – они ведь полагают, что чашка чая может решить любые проблемы. Однако сегодня ночью он, пожалуй, обойдется стаканчиком виски. Джек оттолкнулся от стены и направился назад в дом, оставив сачок возле двери.

Но перед тем как запереть дверь, он почувствовал легкое дуновение воздуха и его уха коснулся тонкий, еле слышный звон. Его сердце замерло, он резко обернулся, чтобы бросить последний пытливый изучающий взгляд на ночное небо.

Просто на всякий случай – а вдруг ему на этот раз повезет?

¹ Созвездие в Северном полушарии. (Здесь и далее прим. перев.)

Глава 1

Весенний ветерок трепал листки бумаги в руках Фэй О'Нил, застывшей на тротуаре и молча взиравшей на внушительного вида лондонский особняк. Рядом с ней, слева, громоздилась внушительная гора багажа, а справа сторбились с недовольным и даже обиженным видом двое маленьких детей в дорожной одежде. Она сверилась с записями и, убедившись, что адрес верный, расправила плечи. Номер четырнадцать представлял собой трехэтажный узкий дом из красного кирпича в георгианском стиле – один из ряда таких же домов на улице. Чистенький, аккуратный, старый, но в хорошем состоянии, с широким крыльцом, украшенным веселенькими красными геранями в горшках. Благодаря высоким арочным окнам и широким гранитным ступеням создавалось ощущение, что дом словно улыбается и приветствует ее, приглашая войти. Фэй невольно улыбнулась и сжала плечи Мэдди и Тома, стараясь их подбодрить.

– А в этом доме что-то есть... мне кажется, мы будем здесь счастливы. А вы как думаете?

– Он старый и унылый, – отозвалась Мэдди, скривив лицо в недовольной гримасе. – Наш дом в Чикаго был гораздо лучше. Мне там больше нравилось.

Фэй прикрыла глаза и едва сдержала готовые вырваться слова. Ее восьмилетняя дочь была ярой противницей перелета через Атлантику и ничуть не смягчилась, ступив на землю по эту сторону океана. Фэй видела, как Мэдди надулась, поджав тонкие губы, как напряглись ее острые худые плечи, распознала вызов в светло-голубых глазах, сверкавших из-под густой светлой челки. Фэй медленно выдохнула, понимая, что дочка не собирается облегчить и без того сложную ситуацию.

– Он не так уж плох, – ответила она с нарочитой веселостью, стараясь не обращать внимания на облупленные и закрашенные оконные рамы и кое-как замазанные пятна ржавчины на черной чугунной ограде. Надо сказать, дом выглядел немного усталым от жизни. – Но ничего такого, что не могли бы исправить забота и уход. Как думаешь, Том?

Вместо ответа ее шестилетний сынишка спрятал лицо в складках ее юбки. Фэй устало вздохнула.

На высоком крыльце у двери стояла респектабельного вида пожилая дама в огромной шелковой шляпе цвета персика. Одной рукой она прижимала к груди большую черную сумку-клатч, а в другой держала папку с бумагами. Подтолкнув детей вперед, Фэй решительно нацепила на лицо улыбку и громко спросила:

– Миссис Ллойд?

– Добрый день, – унылым голосом произнесла пожилая дама, махнув рукой. Она тяжело спустилась по ступеням лестничного пролета и прошла вперед, все так же широко улыбаясь. – Вы, должно быть, миссис О'Нил. Рада с вами познакомиться. Как ваши дела? – воскликнула она, энергично протягивая руку.

– Хорошо, хоть мы и устали, – ответила Фэй, пожимая руку хозяйке дома. – Мы только что прибыли в Лондон.

– А это и есть ваши милые детки? – Миссис Ллойд внимательно посмотрела вниз поверх своего слишком короткого, словно срезанного носа, явно прикидывая, какой ущерб смогут нанести эти два создания ее имуществу. За ее приторно-сладким тоном легко читалась попытка скрыть откровенное неудовольствие и нелюбовь к детям – потенциальному источнику беспорядка.

Мэдди и Том тут же спрятались за Фэй и схватились за материнскую юбку. Фэй несколько неуверенно попыталась изобразить улыбку, пока ее тянули с обеих сторон за пояс,

и отчаянно желая, чтобы хоть один раз ее дети приветливо улыбнулись кому-нибудь вместо того, чтобы нелюдимо смотреть исподлобья и что-то робко бормотать.

– Поздоровайтесь, дети, – с натянутой улыбкой обратилась к ним Фэй. – Мэдди? – чуть ли не с мольбой она посмотрела на свою старшенькую.

Фэй не надо было видеть детей, чтобы узнать, какими глазами ее дорогие малыши смотрят на приземистую старуху в смешной нелепой шляпе и осуждающим взглядом блеклых глаз. Ведь дети интуитивно чувствуют людей, и она научилась уважать их мнение.

– Они просто стесняются, – пробормотала она, едва удерживаясь от того, чтобы трусливо спрятаться подальше от этих въедливых глаз, как это сделали детишки. – И они очень устали от долгого путешествия. Я уверена, они почувствуют себя гораздо лучше, когда мы окажемся в доме.

– Вы имеете в виду, в вашей квартире, – поправила миссис Ллойд, осуждающе изогнув бровь. – Вам следует отныне разговаривать на правильном английском языке.

Фэй стиснула зубы. Понятно, миссис Ллойд принадлежала к тем людям, которые обожают поучать других и никогда не сомневаются в своей правоте.

– Да, конечно, в квартире, – послушно повторила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, и нервно поджала пальцы в кожаных туфлях-лодочках.

Миссис Ллойд порылась в недрах своей сумки и торжественно извлекла оттуда связку ключей.

– Держите! – воскликнула она. – Давайте войдем и осмотрим вашу квартиру. Она расположена на первом этаже и, как мне кажется, это лучшая квартира во всем доме. Осторожнее с вашим багажом, он несколько тяжеловат, на мой взгляд. Кстати, здесь у нас в Англии первый этаж расположен над тем этажом, который выходит прямо в сад. То есть у вас это был бы второй этаж. Вам это известно, надеюсь?

Она повела всю разношерстную компанию, которая наполовину тащила, наполовину несла тяжелые чемоданы и сумки, в глубь дома, а затем вверх по лестнице в гостеприимную прохладу небольшого темного, отделанного декоративными панелями холла. Фэй уронила свой чемодан, закрыв от усталости глаза, и ощутила лимонный запах полировочной восковой пасты, которой обычно натирают деревянную мебель и другие деревянные поверхности в английских домах, а также тонкий аромат цветов. Хлопчатобумажные кружевные занавески закрывали высокие окна, а под ними примостился изящный столик с инкрустацией в стиле хэпплуайт. На столе лежала белоснежная накрахмаленная салфеточка, на которой стояла ваза с лилиями. Фэй улыбнулась, успокаиваясь, и расслабилась. Она всегда считала, что именно холл задает тон и говорит об общей атмосфере дома, и, судя по всему, здесь царит атмосфера безопасности и безупречной чистоты. Она высмотрела три латунных почтовых ящика на дверях и сразу же обнаружила на одном из них свое имя.

Том потянул ее за юбку и украдкой показал на маленькие блестящие латунные же колокольчики, висящие над каждым из ящиков.

– Колокольчик, это очень оригинально, – сказала она, подумав о том, что колокольчик не делает жилище безопасным. – А здесь есть какая-нибудь охранный сигнализация? Бдительность никогда не помешает.

– Это очень маленький дом, – фыркнула миссис Ллойд. – Здесь всего три квартиры. И колокольчики прекрасно выполняют свою задачу. Этого вполне достаточно.

– А в самом здании есть система охраны? – снова поинтересовалась Фэй, думая, что этих глупых колокольчиков отнюдь не достаточно для безопасности.

Миссис Ллойд приподняла брови с выражением человека, только что съевшего лимон.

– У нас весьма уважаемый район. К вашему сведению, преступность в Англии не свирепствует так сильно, как в вашей стране, – сказала она, поджимая губы, и продолжила,

резко добавив надменности своему аристократическому тону: – Я не вижу необходимости в какой-то специальной охране.

– А если я захочу поставить такую систему в свою квартиру? – настойчиво продолжила допытываться Фэй.

– Пожалуйста, вы можете поставить любую охранную систему в свою квартиру, если желаете. Разумеется, полностью за свой счет. – Она резко развернулась, раздувая ноздри от негодования, и распахнула дверь. – Вот, пожалуйста, ваше жилье.

Все тревоги и страхи Фэй улетучились в тот же момент, когда она переступила порог залитой солнечными лучами гостиной с широкими арочными окнами и высокими потолками с лепниной. Благостное чувство, которое она испытала при виде старинного особняка и сада, здесь только усилилось, наполняя ее надеждой на то, что все обязательно будет хорошо. Ее сердце радостно билось, когда она обходила светлые, полные воздуха, уютные комнаты, скользила пальцами по поверхности антикварных столиков с поцарапанными ножками, креслам с вмятинами на больших мягких сиденьях. Это был живой дом, в котором уют был гораздо важнее стиля, этот дом располагал к уютному чаепитию, и именно такой дом был нужен детям.

Фэй наполнило непреодолимое сентиментальное чувство, которое она испытывала, читая свои любимые романы Джейн Остин, вдыхая аромат роз или глядя на улыбающиеся лица своих родных и любимых на старых поблекших фотографиях. Темный деревянный пол в комнатах был покрыт потертыми восточными коврами приглушенных оттенков. На противоположной стороне комнаты часы с филигранной позолотой, стоящие на украшенной изящным орнаментом каминной доске, отметили перезвоном первую четверть часа. Сердце Фэй начало медленно оттаивать при мысли о том, насколько не похожа эта ее новая квартира на бесцветный, прозаичный, лишенный индивидуальности дом в Иллинойсе, который она совсем недавно покинула.

На первый взгляд эта квартира казалась воплощением мечты и выглядела так, как в представлении американцев должны были выглядеть добротные английские дома, принадлежащие среднему классу. И здесь, подумала она с надеждой, ее дети наконец-то смогут обрести иную, более достойную жизнь. Теперь ей осталось лишь молиться о том, что она сможет сделать их жизнь счастливой.

– Здесь все просто изумительно! – сказала Фэй.

Миссис Ллойд улыбнулась с видимым удовлетворением.

– Это дом моей матери, – пояснила она, и голос ее неожиданно смягчился. – Все эти вещи принадлежали ей. Вернее, принадлежат. Миссис Форрестер все еще живет наверху, ее комнаты находятся на третьем этаже. Когда-то, очень давно, этот дом принадлежал одной большой семье. Но, как и многим нашим соседям, нам пришлось разделить его поэтажно на квартиры и сдавать их внаем. Боже мой! Тому уже минуло двадцать пять... нет, тридцать лет! Да, когда-то это был великолепный дом. А теперь... вот... ну что ж... – Легкая тень раздражения скользнула по ее лицу, когда она услышала жалобный звук, который издали пружины кушетки. – О нет, дети! Ни в коем случае нельзя так прыгать на диван!

– Том... – Фэй укоризненно посмотрела на сына, тот поспешил к ней и прижался к ее боку. – Они просто очень устали, – повторила Фэй, едва удерживая улыбку.

– Ну, разумеется, – ответствовала мисс Ллойд, переводя взгляд на Мэдди, которая перебирала коллекцию фарфоровых зверюшек на полке. – Осторожно, моя дорогая! Они очень хрупкие!

– Мэдди, – окликнула Фэй дочь.

Мэдди поставила причудливую фигурку единорога на место и перешла к полке, забитой книгами.

– Как я уже рассказывала, – продолжила мисс Ллойд тем же тоном, – этот дом слишком велик для одинокой немолодой женщины. И конечно, расходы на содержание такого помещения мне уже не по силам. Поэтому я... то есть мы решили превратить дом в несколько небольших квартир, более удобных для содержания. Миссис Форрестер вдова, видите ли.

– Вы называете свою маму миссис Форрестер? – удивленно спросила Мэдди, обернувшись к старой женщине.

– Таким образом я выражаю свое уважение, милая, – надменно произнесла миссис Ллойд, бросив вскользь оценивающий взгляд на Фэй.

– Правда? – простодушно удивилась Мэдди, ничуть не задетая скрытым неодобрением, прозвучавшим в голосе хозяйки. – А почему вы не живете здесь, с ней, если она такая старенькая?

– Я? – несколько растерянно переспросила миссис Ллойд; вопрос девочки, казалось, ошеломил ее. – Ну, видишь ли, – не слишком внятно пробормотала она, – я должна сейчас жить с мистером Ллойдом. В нашем собственном доме. Это не так уж и далеко отсюда. И я в любой момент могу заглянуть сюда, чтобы проверить, как мама. За ней приглядывает приходящая сиделка, но, конечно, я веду все ее дела.

Фэй с изумлением слушала, как миссис Ллойд подробно и серьезно разъясняет ситуацию восьмилетнему ребенку. Видимо, в ней говорило чувство вины.

Миссис Ллойд обвела глазами комнату, словно упоминание о ее матери и вид ее владений запустили в ее душе бурю эмоций.

– Я когда-то тоже здесь жила, конечно, – сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к своей маленькой собеседнице. – Я спала наверху, там была детская. А теперь там живет моя мать. Разумеется, детскую с тех пор переделали в большую просторную комнату.

– Разумеется, – поддакнула Мэдди, но в глазах ее плясали лукавые смешинки. Фэй предостерегающе посмотрела на нее.

Миссис Ллойд ничего этого не заметила. Она продолжила свой рассказ.

– Две мои дочери также часто навещают свою бабушку Венди. – Тон ее смягчился, а взгляд потеплел. – Я бы очень хотела, чтобы они тоже выросли в этой старой детской, где росла я. Ах, эта моя детская, – с грустью вздохнула она, – это было волшебное место для ребенка. Там я мечтала... и какие это были восхитительные мечты! – Она снова вздохнула. – Знаете ли, моя мать умеет рассказывать удивительные, волшебные истории.

Том подергал мать за юбку, умоляюще глядя на нее. Фэй погладила его по голове и понимающе кивнула.

– Возможно, ваша мама захочет рассказать свои волшебные сказки детям? Мэдди и Том обожают их слушать. Это может быть очень полезно для всех.

– Ах нет, нет, – поспешила ответить миссис Ллойд, словно очнувшись и выныривая из своих приятных воспоминаний. Ее тон снова стал жестким и неприятным. – Этого ни в коем случае не следует делать.

– Ну, конечно, если вы не хотите...

– Миссис Форрестер теперь очень стара. Я сомневаюсь, что она способна сейчас кому-нибудь рассказывать свои сказки. Нет... ни в коем случае, больше никаких сказок! – Ее лоб пересекли тревожные морщины. – Скорее всего, вы не часто будете видеть миссис Форрестер, знаете ли. Она не совсем здорова, и дети могут доставить ей беспокойство.

Мэдди нахмурилась и недовольно задрала подбородок.

Миссис Ллойд явно разволновалась. Фэй посчитала это проявлением беспокойства и заботой дочери о своей престарелой матери. Она также услышала в тоне миссис Ллойд ясное предупреждение о том, чтобы дети ни в коем случае не беспокоили старую миссис Форрестер.

– Уверяю вас, никто из нас не побеспокоит вашу маму, – заверила она хозяйку.

Миссис Ллойд развернулась и чуть дрожащими руками поправила свой строгий пиджак.

– Да, хорошо. Очень хорошо. Ну что ж, давайте осмотрим другие комнаты?

Она провела их в небольшую, но со вкусом обставленную столовую в красно-золотых тонах со сводчатым потолком и изящной лепниной. Возглас восторга застрял в ее горле, когда после столовой она увидела крошечную кухню – всего лишь пару круглых электрических конфорок на узеньком металлическом ящике, втиснутом в помещение размером с небольшую кладовку. Фэй любила готовить, но в этом жалком подобии кухни даже воду вскипятить и то было трудно. Узкая винтовая лестница, которая когда-то, видимо, предназначалась для слуг, вела на второй этаж этой квартиры. В двух просторных спальнях высокие окна были открыты, и кружевные шторы колыхались на легком ветерке. Бледно-голубые и белые цветы гортензии на обоях гармонировали с льняными накрахмаленными покрывалами на узких кроватях и пухлыми пуховыми подушками. В единственной очень скромной по размерам и по-спартански обставленной ванной комнате сантехника была настолько древней, что вода едва пробивалась из покрытых известью кранов. Фэй подумала, что послышавшийся ей вначале шепот дома о своем достоинстве и высоком стиле был всего лишь голосом ее беспочвенных надежд.

– Кухня чересчур маленькая, – выпалила Мэдди.

Фэй, истосковавшаяся по удаче и радости, которых так недоставало ей в жизни, сжала рукой плечо дочери.

– Зато она просто наполнена солнечным светом, – заметила она. И, выглянув в окно, увидела очаровательный, хоть и несколько запущенный садик, окруженный кирпичной стеной. – Посмотрите, Мэдди, Том! Какой замечательный сад! Сходите туда!

Дети не заставили себя упрашивать и дружно скатились вниз по лестнице с таким топотом, что миссис Ллойд с осуждающим видом скривилась.

– Эти два этажа когда-то представляли собой главные комнаты дома, – пояснила хозяйка, когда они вдвоем с Фэй чинно, как и подобает взрослым людям, спускались вслед за детьми. – Детская была наверху, а общая кухня и сейчас расположена в нижней квартире, на уровне сада. Она, разумеется, большая и просторная. А та, что вы видели, просто дополнительная.

– Так кухня расположена в нижней квартире?

– Эта квартира занята, к сожалению, – ответила миссис Ллойд, услышав надежду, прозвучавшую в невысказанном вопросе Фэй, и поспешив ее развеять – Сейчас ее занимает профессор из Америки, доктор Грэхем, который читает здесь лекции в университете.

– О, так он американец?

– Да. У нас очень хорошие связи с американской компанией, занимающейся съемом временного жилья. Эта нижняя квартира освободится осенью, после того как ее жилец вернется в Америку, но, боюсь, она не подойдет вам, миссис О'Нил. Кухня там, конечно, большая, но остальные комнаты когда-то занимала прислуга, и они далеко не так просторны, светлы и удобны, как ваши.

К ним подбежала Мэдди.

– Мам! Здесь так здорово! Этот задний садик – это что-то! Просто отпад! Он похож на тот самый, из книжки, которую ты нам читала, помнишь?

– Ты имеешь в виду «Таинственный сад»?²

– Да-а-а! – Девочка подтянула юбку и откинула волосы с глаз. – Я думаю, здесь будет здорово!

² Книга английской писательницы Фрэнсис Элизы Бёрнетт (1849–1924). (Прим. ред.)

Фэй с радостью отметила, что угрюмое, безрадостное выражение, омрачающее лицо Мэдди, бесследно исчезло. Казалось, что девочка улыбалась, и в ее ярко-голубых глазах впервые за много дней даже засверкали живые искорки радости. Тяжелый камень, так давно лежащий на сердце Фэй, внезапно растворился, и она вознесла коротенькую молитву, чтобы ее маленькая дочка нашла здесь свое счастье.

– А как тебе, Том? – Ее худенький мальчик почесал голову и, окинув скептическим взглядом нелепые, огромные, величиной с кочаны капусты, розы, украшавшие обои в прихожей, молча пожал плечами.

Фэй бросила последний взгляд на тесную квартирку, обставленную миссис Форрестер сообразно своему вкусу и украшенную ее же коллекцией антикварных безделушек. И при этом любой мягкий стул, любая стаффордширская фарфоровая фигурка, любая пара тяжелых бело-кремовых цветастых штор странным образом пришлись ей по вкусу. Она сняла это жилье, даже ни разу на него не взглянув. Для нее, человека, который никогда ничего не предпринимает, не просчитав и не перепроверив все несколько раз, это было невероятным безрассудством. И то, что все получилось так удачно, могло стать хорошим предзнаменованием, таким знаком возможных перемен. И очень может быть, подумала она, чуть дрожа от предвкушения, перемен к лучшему.

– Спасибо, миссис Ллойд. Этот дом... эта квартира просто замечательная.

– Хорошо. Очень хорошо, – ответила миссис Ллойд, широко улыбаясь. – В таком случае все в порядке, за исключением небольшой формальности. – Она поспешила протянуть папку с бумагами. – Просто поставьте здесь на договоре свою подпись, и покончим с этим. Ваши рекомендации, разумеется, в полном порядке.

Фэй воздержалась от замечания по поводу своих рекомендаций и спокойно просмотрела документы из папки миссис Ллойд. На первый взгляд все было просто замечательно. Рекламное агентство хорошо поработало, подыскав подходящее жилье за доступную плату. На самом деле, квартира вполне соответствовала своей цене. Она была готова заплатить и гораздо большую цену за возможность жить в подобном доме, расположенном в столь живописном месте. Возможно, было еще что-то, незаметное для глаз, что могло снизить цену на эту квартиру? Вот разве что кухня... Она постаралась отбросить подозрения. Ну ведь могло же ей, наконец, повезти?

Миссис Ллойд внимательно изучила подпись на договоре, а затем с улыбкой убрала его в папку.

– Ну... Что ж, очень хорошо, – сказала она, протягивая Фэй конверт. – Внутри вы найдете два набора ключей и различные инструкции по пользованию квартирой. Если у вас появятся вопросы, номер моего телефона вы также найдете в конверте. Итак, – она протянула Фэй руку, – очень приятно было познакомиться с вами, миссис О'Нил. А также с вашими детками. Надеюсь, вы будете здесь счастливы.

Ее взгляд неосознанно поднялся вверх к потолку.

– Да, и еще. Если до вас дойдут какие-нибудь слухи или сплетни о миссис Форрестер, пожалуйста, прошу вас отнестись к ним именно так, как они того заслуживают, то есть как к слухам. Уверяю вас, моя мать совершенно безобидна.

– Безобидна? – Фэй резко повернула голову, тут же напрягаясь.

– Возможно, чуточку эксцентрична в последнее время, но и только.

Безобидна? Эксцентрична? Фэй внезапно засомневалась в том, так ли уж хороша сделка с домом.

– Миссис Ллойд, миссис Ллойд – окликнула она хозяйку.

– Принимайтесь за свои дела, милочка. У меня сейчас назначена другая встреча! – Хозяйка прижала папку с договором к груди и с царственным видом, коротко, словно королева-мать, кивнув головой, поспешила прочь по извилистой тропинке.

Фэй осталась стоять на ступеньках крыльца, наблюдая за тем, как хозяйка дома исчезла за углом. Нехороший холодок подозрений пробежал по ее позвоночнику. Она могла поклясться, что заметила огромное облечение, промелькнувшее в глазах миссис Ллойд, когда подписывала договор.

Прежде чем снова войти в дом, Фэй бросила любопытный взгляд на окна третьего этажа. И тут же заметила мелькнувшую в окне маленькую руку и задергивающиеся занавески.

Вечерний ветер зловеще свистел за окнами детской спальни. Губы Фэй были плотно сжаты, и она судорожно сжимала в руках занавески, когда напряженно вглядывалась в темноту за окном, пытаясь разглядеть какие-либо подозрительные движения среди глубоких теней сада. Ветви яблони, отягощенные весенними цветами, раскачивались на все усиливающемся ветру, усыпая землю белыми лепестками, словно снегом.

Это был ее первый вечер в Лондоне. Все, что происходило с ней не так давно, казалось сейчас таким же далеким, как звезды, сверкающие в темном небе. Все вокруг казалось таким... незнакомым. Она должна получить эту работу. У нее не осталось ничего, кроме одежды в чемоданах и весьма скромных средств на банковском счете, которых едва хватало, чтобы свести концы с концами. Сейчас Фэй чувствовала груз огромной ответственности за тех двух самых главных людей в своей жизни, которые сейчас посапывали за ее спиной в кроватях с подоткнутыми одеялами. Она готова была сделать что угодно ради своих детей. Но иногда можно отдать все за то, чтобы почувствовать себя свободной.

Фэй глубоко вздохнула, затем закрыла окно и заперла его на щеколду.

– Нет, мам, не закрывай, – протянула недовольно Мэдди. – Ты всегда закрываешь окна. А мы любим, когда они открыты.

Фэй оглянулась на дочь, лежащую на краю односпальной металлической кровати. Дочь подпирала подбородок ладонью и смотрела на мать осуждающе, что более подходило сорокалетней женщине, чем восьмилетней девочке.

– Дождь собирается, – поспешно сказала Фэй.

– Ну и что. Все равно, пусть будет открыто.

– Давай не будем рисковать, – откликнулась Фэй.

– Это все из-за папы, да? – Ее бледная кожа и запавшие глаза яснее слов говорили о том, что больше ее дурачить не получится.

Фэй с шумом задвинула шторы. Временами проницательность ее ребенка ей сильно досаждала.

– Разумеется, нет, – солгала она. – Я просто не люблю, когда окна ночью открыты. И вообще, мы на самом деле не знаем, кто такие наши соседи. Бог знает, что творится на улице сейчас.

– Ты имеешь в виду, что там может быть папа? – надула губки Мэдди.

Фэй глубоко вздохнула. Да, подумала она. Папа сейчас где-то там. Далеко. Но она не знала, как долго океан будет служить для него преградой.

Фэй увидела, как ее страх тут же отразился в глазах дочери. Она слишком часто замечала этот страх в последние годы. Фэй подошла к кровати Мэдди, села рядом и, протянув руку, откинула несколько золотистых прядей со лба дочери. Какие у нее пушистые волосы, подумала она, стараясь стереть легкими движениями беспокойную складочку между бровей, прорезавшую лоб ее маленькой девочки.

– Да, папа где-то там, но он сейчас очень далеко и не сможет снова забрать тебя у меня. И никто никогда не сможет. – Фэй наклонилась к ней и тихо прошептала на ухо: – Твоя мама всегда будет о тебе заботиться.

В глазах Мэдди мелькнуло сомнение, потом она нахмурилась и, оттолкнув руку матери, отвернулась от нее и перевернулась на другой бок. У Фэй сжалось сердце, но невероятным

усилием воли она сдержала слезы. И все же почувствовала, как в ее доспехах образовалась брешь.

– Том ненавидит его, – тихо, словно с трудом, произнесла Мэдди.

Фэй обернулась и посмотрела на сына. Малыш лежал, закинув руки за голову и уставившись на светящиеся искусственные звезды на потолке. Том был чересчур мал и хрупок для своих лет, словно тень ребенка – бледная и молчаливая. Мать прекрасно понимала, что, несмотря на свое молчание, Том не пропустил ни одного слова из их разговора, уловил все его оттенки и понял все, что было недосказано. Маленький острый подбородок был сердито выдвинут, выражая слишком тяжелое, возможно, даже непереносимое для такого малыша чувство гнева и неприятие всего происходящего. Фэй снова, уже в который раз, ощутила свою беспомощность.

– Том, милый, ненависть – это очень плохое чувство, – сказала она. – Особенно если это касается твоего отца.

Мэдди выразительно фыркнула, а Том еще больше нахмурился.

Она не могла винить их. Роб был отвратительным отцом, самовлюбленным, мнительным и подлым человеком. И очень жестоким. Как она могла убедить своего сына хорошо относиться к отцу, когда сама ненавидела Роба О'Нила всей своей душой. Сейчас, в свои тридцать пять, она в этом уже несколько не сомневалась. И все же, раз психотерапевт ее детей сказал, что ненавидеть своего отца очень вредно для их психического здоровья, она должна прикусить язык и загнать свои чувства как можно глубже, чтобы ненароком не проговориться при них.

– Если он попытается снова забрать нас, я сбегу, – заявила Мэдди, снова поворачиваясь лицом к матери. Тени под ее глазами, казалось, стали еще больше на фоне бледной кожи. – И я знаю, как это сделать, не сомневайся.

– Он больше вас не заберет.

– А вдруг попытается? Тогда я возьму такси до полицейского участка и оттуда позвоню тебе, хорошо?

– Тебе не придется этого делать.

– Я позвоню тебе, – упрямо повторила дочка, ее пальцы нервно смяли край розового одеяла. – Полиции ведь платят за это, правда? Они ведь получают за это деньги? Ну конечно же, – она сама важным тоном ответила на свой вопрос. – Я все хорошо продумала. И я позабочусь о Томе, не беспокойся! – Ее голос сорвался на высокой ноте, и Фэй испытала невыносимую боль, слушая, как ее маленькая дочка выстраивает свой собственный план на случай очередной катастрофы в их жизни.

Внезапно Мэдди пришла в голову новая, взбудоражившая ее мысль, она села на кровати и выпрямилась.

– Они ведь здесь называют полицию «полицией», правда? Или здесь есть какое-то другое, специальное слово?

– Тихо, Мэдди, – с ласковой настойчивостью прошептала Фэй, мягко накрывая сжавшиеся в напряжении губы дочери ладонью. Она смотрела на взволнованное личико девочки и снова, в сотый раз, прокляла себя за то, что позволила уничтожить столько лет их жизни. Будь проклят Роб! Мало того, что он превратил ее жизнь в ад, так он еще сделал невыносимой жизнь ее детей.

Мэдди внезапно крепко обняла мать, а Фэй, захваченная врасплох, невольно подумала о том, кто же из них двоих больше нуждался в объятиях и утешении. Она с трудом сдерживала слезы. И как только она могла позволить случиться тому, чтобы ее обожаемые дети почувствовали себя такими несчастными и напуганными? С той стороны, где стояла кровать Тома, раздались горькие всхлипывания.

– Тише, тише, малыш, – прошептала она, поспешив к кровати сына и целуя его в мокрые от слез щеки. Он тут же крепко обхватил ее шею руками. Фэй прижала его к себе, ощущая, как содрогается в рыданиях его худенькое тельце, как напряжено его личико, уткнувшееся ей в плечо. О боже! Ее бедный, милый тихий мальчик!

– Все не так плохо, как ты думаешь, – сказала она, стараясь придать своему голосу беззаботность, которой давно уже не чувствовала. Она потормошила сына, дразня и щекоча его. – Нет причин для беспокойства. И вообще, беспокоиться – это моя привилегия. – Напряжение в комнате ощутимо уменьшилось, когда она снова уложила сына и накрыла его одеялом. – Объявляю условия нашего договора. Мы будем здесь счастливы. И я не буду больше переживать и беспокоиться, если вы сами не будете ни о чем тревожиться. Идет?

– Идет! – ответила Мэдди за обоих. Фэй была вознаграждена за все свои старания милыми улыбками на детских личиках. Улыбками, которые, тем не менее, не отразились в их глазах!

Фэй прекрасно понимала, что убеждать себя не беспокоиться, – это все равно что приказывать солнцу не вставать утром или не заходить вечером. Как мать, она не могла не переживать и не волноваться обо всем, что касалось ее детей. Она нервничала, когда они вовремя не возвращались от друзей, и о том, кто такие эти самые друзья, она тоже тревожилась. В школе она в первую очередь изучала всех детей, а затем буквально сканировала лица всех взрослых, которые появлялись в школьных коридорах или в школьном дворе. Каждое утро она напоминала своим малышам, чтобы они не заговаривали с незнакомцами, и каждый вечер проверяла, закрыты ли наглухо все окна, заперты ли все замки и включена ли сигнализация.

А затем, стоило ей, прислушавшись к советам друзей, немного расслабиться, как ее худшие страхи тут же реализовались. Роб попытался похитить у нее детей. И после этого она поклялась себе, что больше никогда не позволит себе потерять бдительность.

Она поцеловала напоследок своих ненаглядных детишек, а потом еще раз проверила запоры на окнах. Фэй задержалась в дверях и еще раз оглядела детей: они устраивались в постелях, шумно зевали и желали ей спокойной ночи. Они были всего лишь маленькими детьми, и их жизнь должна быть беззаботной.

Недопустимо, чтобы они чувствовали себя встревоженными и напуганными.

– Спокойной вам ночи, приятного сна. – Она погасила верхний свет и зажгла в углу ночник, засветившийся приглушенным зеленым светом. Еще раз бросив взгляд на детей, уютно свернувшихся в своих постелях, она тихо поклялась: – Я никогда не позволю ничему и никому причинить вам вред. Никогда!

Глава 2

– Извините за беспокойство, доктор Грэхем...

Джек Грэхем удивленно моргнул, с трудом осознавая, что кто-то называет его по имени. Его внезапно охватил приступ раздражения. *Только не сейчас*, думал он. *Не надо меня беспокоить*.

– Доктор Грэхем?

Обреченно вздохнув, Джек бросил ручку на стол, вытер лоб ладонью и посмотрел на молодого ассистента, который мялся у его стола, сгорая от нетерпения. Вот черт, весь ход мыслей ученого был нарушен. А ему казалось, что он уже вплотную подошел к решению никак не дававшегося ему уравнения...

– Да, Роберт, в чем дело? – Его резкий голос был напряженным, как натянутая стальная проволока.

Аспирант смущенно кашлянул, переступил с одной ноги на другую и робко протянул Джеку большой белый конверт, словно в знак перемирия. Все в лаборатории были в курсе, что доктор Грэхем терпеть не мог, если его беспокоили, когда он работал в кабинете, и если кто-то и попадался под горячую руку, пленных он не брал.

– Только что пришло на ваше имя. Ой, – добавил ассистент поспешно, стараясь погасить огонь, пылающий в глазах доктора Грэхема. – Вы же хотели, чтобы вам сообщили, когда соберутся заливать жидкий водород, чтобы охладить магнит. Так вот, думаю, все уже готово. Я имею в виду, в камере. – Он нервно сглотнул и поспешно добавил: – Сэр.

– Дело за тобой, Джек, – произнес доктор Ирвинг Фолк, директор лаборатории, заглянув в дверь. – Ты проверил контакты датчиков? Мы уже начинаем.

Плечи ассистента опустились – он явно расслабился от такого подкрепления.

– Да, спасибо, Ирвинг, – ответил Джек, и старое плетеное кресло заскрипело, когда он откинулся на спинку. – И вам спасибо, Роберт.

Ассистент радостно кивнул и опрометью бросился в лабораторию к смотровому окну большой стальной вакуумной камеры, используемой для испытания космических аппаратов. Камера сверкала в искусственном освещении лаборатории, словно серебряная пуля. А доктор Грэхем в этой лаборатории играл роль одинокого рейнджера, искателя приключений, лихого наемника, единственного, кто может решить сложную проблему, неподвластную остальным.

– Не верю глазам своим, старик, неужели в обратном адресе указано «ЦЕРН»?³ – спросил Ирвинг. Несмотря на демократичный вид – джинсы и тенниску под белым лабораторным халатом, – вся манера поведения директора лаборатории свидетельствовала о его принадлежности к британскому высшему классу. На самом деле, у него был титул барона или лорда – Джек так и не смог разобраться в сложной иерархии английской аристократии.

– Точно, – ответил Джек, надрывая конверт. Он вытащил письмо и быстро пробежал его глазами.

– Ну, и что там? Что-то под грифом «совершенно секретно» или все же нам, простым смертным, можно удовлетворить свое любопытство?

Джек передал ему письмо и наблюдал, как по мере чтения письма на лице Ирвинга появляется выражение интереса, радости, а затем легкой зависти, что говорило о том, что ничто человеческое ему не чуждо.

³ Европейский центр ядерных исследований, крупнейшая в мире лаборатория физики высоких энергий. Расположена в Швейцарии в Женеве.

– Значит, в ЦЕРНе мечтают тебя заполучить? Потрясающе! Ты же понимаешь, это великолепные перспективы. Однако, как все сейчас быстро делается. Ну, что сказать – можно считать, твое будущее обеспечено. Хотя в этом случае наша лаборатория многое теряет. Не думаю, что теперь мы можем надеяться уговорить тебя остаться работать в институте.

В глубине души Джек испытывал удовлетворение. Но вовсе не из-за предложения престижной работы, а потому, что мечтал присутствовать при обнаружении t -кварка, единственного из шести видов кварков, который еще оставался загадкой. Он проработал несколько лет в Национальной лаборатории ускорителей Ферми в Иллинойсе, как раз в то время, когда научное соперничество между ЦЕРНом и Лабораторией Ферми достигло наивысшего накала. Однако с тех пор финансирование лаборатории сократилось, и эпицентр научных исследований теперь находился в Швейцарии, в Женеве. А теперь Джек вдруг получает предложение там работать. Его просто захлестывали противоречивые чувства. Больше всего на свете он любил разгадывать загадки и решать сложные задачи, а t -кварк являлся главным фрагментом сложнейшей головоломки современной науки, разгадав которую можно было вплотную подойти к созданию Теории Великого объединения⁴.

Он поднял голову и улыбнулся Ирвингу, когда вдруг уголком глаз заметил какое-то оживленное движение у смотрового окна камеры. Аспирант Роберт стремглав вбежал в камеру, а остальные сотрудники лаборатории прильнули к окошку. Джек посмотрел, что происходит в камере, и увидел, что находившийся там лаборант в белом фартуке, плотных перчатках и маске развел руками и, пошатываясь, начал отступать назад неуверенными шагами.

Повинуясь инстинкту, Джек вскочил на ноги.

– Черт, наверное, эти растяпы пролили жидкий водород. Ирвинг, срочно вызови врачей! И включите вентиляцию! – крикнул он, вбегая в камеру.

Роберт, который уже находился в камере, поспешив на помощь лаборанту, пребывал в полной растерянности, запутавшись в толстом черном проводе. Джек подбежал к нему, схватил за руку и рывком вытащил из камеры. Небольшая группка сотрудников лаборатории прилипла к окошку, наблюдая за всем происходящим полными ужаса глазами. Джек подтолкнул Роберта к ним.

– Ребята, закройте за мной дверь, но не забудьте быстро ее открыть, когда я пойду назад. Все понятно? И чтобы никто другой носа туда не совал! Что бы ни происходило!

– Джек, ты не можешь туда входить! – воскликнул Ирвинг, хватая его за руку. – Там сейчас совсем не осталось кислорода. Ты же задохнешься!

– И этот парень тоже, – прокричал Джек. – А теперь отойдите! Мы теряем время. И включите, наконец, вентиляцию!

– Да не работают эти чертовы вентиляторы! – воскликнул Ирвинг с красным от волнения и напряжения лицом.

Джек быстро оглядел лабораторию, забитую научным оборудованием, но не обнаружил ни единого кусочка простой веревки. Он схватил ворох перепутанных компьютерных проводов, резким движением вырвал их из приборов и, сделав глубокий вдох, подал сигнал открыть люк и бросился на помощь к лаборанту, который уже потерял сознание и лежал на полу. Джек обвязал компьютерный провод вокруг его ног, в душе благодаря Богу за то, что все детство провел в отряде бойскаутов, где отлично научился вязать узлы, и выбежал из люка как раз в тот момент, когда воздуха в его легких уже не осталось. Ассистент захлопнул за ним люк.

– Так, а теперь вы четверо, – произнес Джек, прерывисто дыша, – встаньте тут и тяните за провод. Готовы? Раз, два, три – открывайте дверь. Тяните!

⁴ Теория, объединяющая электромагнитные, сильные и слабые взаимодействия. Согласно этой теории, все силы, существующие в природе, являются проявлением одной всеобщей фундаментальной силы.

Четверо мужчин изо всех сил потянули провод и в несколько приемов все-таки сумели подтянуть лаборанта к люку камеры, откуда Джек вытащил его наружу и передал на руки помощникам. И тут, как только захлопнулся люк, все услышали звук внезапно заработавшей вентиляции.

Лаборант, казалось, не дышал, но пульс у него прощупывался.

– Немедленно вызовите врачей! – крикнул Джек, срывая галстук. Затем наклонился над бесчувственным лаборантом и принялся делать искусственное дыхание. *Ну нет, в мою смену тут никто не умрет*, думал он, стараясь соблюдать правильное соотношение вдохов-выдохов и ритмично надавливая на грудную клетку пострадавшего. Ну же, давай, как там тебя зовут! Джек искренне сожалел, что не потрудился запомнить имя сотрудника. Держись, парень!

Через несколько минут прибыли врачи «Скорой помощи» и, демонстрируя своими действиями уверенность и эффективность, приложили к лицу пострадавшего кислородную маску, столь ему необходимую. Джек стоял рядом, бессильно опустив плечи, и снова задышал в привычном ритме лишь тогда, когда врач поднял вверх большой палец в знак того, что все в порядке. Остальные сотрудники в растерянности толкались рядом, наблюдая, как медики вкатывают носилки с их товарищем в реанимобиль.

Джек, наконец, опустил голову и с облегчением выдохнул, молясь в душе, чтобы клетки мозга молодого лаборанта не были повреждены. Затем он стянул твидовый пиджак с усталых плеч и швырнул его на спинку ближайшего стула. Он надевал ненавистный пиджак только в те дни, когда ему надо было читать лекции.

– Ну как ты? – спросил Ирвинг с беспокойством в глазах.

Джек чувствовал себя абсолютно опустошенным и лишь отмахнулся от всех выражений заботы и сочувствия. Воротник его оксфордской рубашки был мокрым от пота. Он попытался расстегнуть верхнюю пуговицу, но ничего не получалось, поскольку пальцы предательски тряслись.

– Давайте я помогу, – произнесла Ребекка Фоулер – высокая аспирантка с длинными стройными ногами, расстегивая злосчастную пуговицу спокойными уверенными движениями тонких ловких пальчиков.

– Благодарю. – Джек смущенно кашлянул и отступил назад. – Спасибо всем, – уже громче произнес он, обращаясь к кучке взволнованных лаборантов и аспирантов. – Все будет хорошо, ведь вентиляция в камере восстановлена. Вы все прекрасно сработали и спасли положение. Я горжусь вами.

Его слова успокоили сотрудников и через некоторое все погрузились в обычные занятия.

– Ну ты прямо как Бакару Банзай в восьмом измерении, Джек⁵. Пора писать мемуары, пока ты еще жив, – отпустил Ирвинг шутку в адрес друга, подавая ему стакан холодной воды. – А то никто не узнает о твоих героических деяниях.

– Ну, понимаешь... – Джек одним глотком осушил стакан. – Мне сейчас не до мемуаров. Меня мало что интересует, кроме работы. – Он смял бумажный стаканчик и швырнул его в мусорную корзину. – В ней вся моя жизнь.

– Да неужели? – засмеялся Ирвинг, похлопывая друга по плечу. – К чему излишняя скромность? У нас всех есть что рассказать, даже если эти воспоминания не такие уж волнующие.

Джек рассмеялся, а потом отвернулся, и улыбка сползла с его лица. Да нет, не у всех такая хорошая память, подумал он, болезненно поморщившись.

⁵ Главный герой фантастического фильма «Приключения Бакару Банзая в восьмом измерении» (1984 г.) – молодой учёный, нейрохирург, авантюрист и музыкант.

– Что с вами, доктор Грэхем? Вы не пострадали?

Джек поднял голову и увидел подходившую к нему Ребекку Фоулер. Он был высоким мужчиной, но ее глаза оказались почти на одном уровне с его собственными, и девушка заглянула в них, подняла руку и легким, исполненным кокетства жестом, отвела темную прядь его вьющихся волос со лба.

Ребекка была наделена всеми возможными достоинствами: умом, красотой и деньгами. Глядя на ее точеную фигуру, блестящие волосы цвета воронова крыла и искрящиеся голубые глаза, которые сейчас смотрели на него взглядом, полным соблазна, Джек думал, что в ее случае природа, пожалуй, даже перестаралась. Каждый мужчина в лаборатории мечтал оказаться с ней наедине на потерпевшей аварию и изолированной от всего остального мира космической станции.

– Нет-нет, со мной все в порядке, – ответил Джек, отводя взгляд и теряя великолепный шанс на более близкие отношения.

Сейчас он хотел лишь побыть в одиночестве и все обдумать. Реплики Ирвинга пробуждали в нем мысли о прошлом, которых он обычно старательно избегал. Он сделал еще один шаг назад.

– Все так перепугались, – продолжала Ребекка, похлопывая его по руке, словно он был неразумным ребенком. Надо сказать, что он находил этот жест скорее раздражающим, а вовсе не соблазнительным. – Почему бы нам не поехать ко мне домой и что-нибудь выпить? Я приготовлю ужин. Вы могли бы... расслабиться...

Ну, это вряд ли. Было совершенно очевидно, что расслабление не входит в задуманную программу, а с него уже хватит приключений на этот день.

– Ребекка, ваше приглашение большая честь для меня, но, к сожалению, я не могу, – ответил Джек. – У меня еще есть дела, которые надо завершить.

Он не стал обращать внимание на ее разочарованно надутые губки и удивленный взгляд Ирвинга и постарался убежать из лаборатории как можно раньше, чувствуя себя совершенно обессиленным.

Говоря о незавершенных делах, Джек имел в виду поиски ответа на вопросы, которые мучили его на протяжении всех тридцати шести лет его жизни. Кто я такой? Откуда я появился? Дело в том, что, за исключением нескольких отрывочных воспоминаний, Джек совершенно не помнил своего раннего детства. Жизнь для него началась с шестилетнего возраста, когда дрожащий от холода брошенный ребенок оказался на ступеньках крыльца лондонского приюта, а на шее у него висела записка. Он был словно выброшенный на улицу никому не нужный щенок.

Джек долго бродил по парку, втянув шею в воротник плаща и сунув руки в карманы. Почему он ничего не мог вспомнить? Что случилось и почему те первые шесть лет в его сознании погружены во мрак? Как он ни пытался сосредоточиться, напрягая все сто пятьдесят шесть баллов своего интеллекта, образы раннего детства ускользали от него. Предполагалось, что родился он в Англии. Когда год назад он вернулся из Америки в Лондон, он подумывал о том, чтобы нанять частного детектива, чтобы раскопать информацию о своем прошлом. На самом деле это и было одной из причин, по которым он согласился принять предложение приехать в Лондон, чтобы прочитать курс лекций и поучаствовать в научных исследованиях. Но теперь, в Лондоне, всегда находились причины, по которым он так и не решился начать свое расследование: то он не мог найти детектива, которому можно было доверять, то был слишком загружен делами, и в конце концов решил, что поиски не имеют никакого смысла.

Однако сегодня эта неопределенность заявила о себе с новой силой. Он вдруг понял, что если бы погиб из-за происшествия в лаборатории, то некому было бы даже сообщить о его смерти. У Джека не было родных и близких. Шагая по парку в туманных сумерках мимо

фонарных столбов и слушая звук своих шагов по мокрому асфальту, Джек Грэхем внезапно осознал, как он бесконечно одинок.

В тот вечер он рано лег в постель, поужинав горсткой чипсов и запив их стаканом виски. Несколько часов он беспокойно ворочался, путаясь в простынях и на чем свет стоит проклиная свой неумный ум. Когда наконец он успокоился и начал погружаться в сон, в голове вдруг на мгновение возник знакомый образ. Это было единственное воспоминание детства, которое преследовало его почти каждую ночь, всякий раз возникая в том странном промежуточном состоянии между сном и бодрствованием. В этом видении какой-то мужчина сильно бил его по лицу. Он уже видел кулак, устремляющийся к нему, но успел вынырнуть из полусна.

Джек открыл глаза и тихо выругался. Ну нет, с него хватит! Он выбрался из постели, включил свет, достал из лотка лежащие там листочки для записок и принялся их просматривать, пока не нашел то, что искал. Вот: Йен Фарнсуорси, частный детектив. В конце концов, какая разница, на какой кандидатуре остановиться, решил Джек и без дальнейших раздумий точными движениями набрал номер.

Как и следовало ожидать, в трубке раздался голос автоответчика, но Джек оставил краткое сообщение и свой номер телефона и прервал звонок. Он некоторое время смотрел на телефон, потом глубоко вздохнул, вернулся в постель и погрузился в долгожданный глубокий сон.

Следующим утром в квартире, расположенной над той, где мирно спал Джек, Мэдди и Том О'Нил свесились через перила второго этажа квартиры и захныкали.

— Мам, а теперь что нам делать?

Фэй вытащила руки из ведра, наполненного горячей мыльной водой, и внимательно посмотрела на детишек, слушая их вопросы. Они не давали ей покоя уже целый час. Длинные волосы Мэдди были спутаны, а Том вырядился в клетчатые шорты и рубашку в горошек, что выглядело совершенно нелепо, но он наотрез отказывался переодеваться.

— А вы свои игрушки уже распаковали?

Мэдди закатила глаза и недовольно протянула:

— Да-а-а...

— А как насчет того, чтобы помочь мне на кухне? Ну-ка, берите губки в руки!

Ее слова были встречены громкими стонами, но Фэй лишь крепче сжала тряпку в руке. Она безумно устала: несколько дней распаковывала вещи, закупала продукты и отмывала квартиру до стерильной чистоты. В довершение всего через пару дней ей предстояло выйти на новую работу, а она еще так и не нашла няню, которая бы сидела с детьми в ее отсутствие. Она чувствовала себя выжатой как лимон. Самое время еще развлекать детей, которые никак не хотели утомиться.

— Нам скучно, — хныкала Мэдди тем противным капризным голосом, от которого скрежещут зубами все мамы на свете.

Фэй уже собиралась было повторить детишкам, что она велела им делать, но придержала язык. В конце концов, для них это время тоже было трудным. Им было непонятно, куда можно пойти и что можно делать в этом странном незнакомом доме, наполненном необычными звуками и чужими запахами. Все было новым и незнакомым, а еще приближалось лето, ведь занятия в школе начинались лишь осенью. Больше всего им сейчас нужны были друзья, а сама Фэй была слишком занята, выполняя обязанности одновременно и матери и отца. У нее просто не хватало времени быть им другом.

— У меня идея, — сымпровизировала Фэй. — Смотрите, какой прекрасный весенний день. Почему бы вам не пойти поиграть на улицу?

Рожицы детишек сморщились от разочарования.

– А что мы там будем делать?

– Думаю, вы найдете, чем заняться. Разве могут дети скучать, когда стоит такая прекрасная погода? Ну, идите же! Вы можете вскопать землю. Или выколоть сорняки. Я видела, что в сарайчике на заднем дворе есть лопаты и совки. Не думаю, что кто-то будет возражать, если вы позаимствуете их, чтобы навести порядок в саду. – Она заметила, что ее мысль нашла отклик: глаза детей загорелись, и они явно успокоились.

– А ты с нами пойдешь? – спросила Мэдди, распрямляя спину и резким движением отбрасывая непокорную прядь волос с глаз.

– Вы начинайте, а я к вам присоединюсь, когда закончу убираться на кухне.

– Обещаешь?

– Конечно, обещаю. Идите-идите...

Личико Мэдди оживилось.

– Пошли, Том! – распорядилась она и решительным шагом направилась к двери. Том покорно поплелся за ней.

Фэй не без облегчения наблюдала, как они стремглав выбежали из квартиры. За последнюю неделю она обнаружила множество скрытых дефектов, которые умудрилась упустить при первом осмотре дома, поддавшись его очарованию. Штукатурка на стенах в некоторых местах потрескалась от сырости, вероятно, из-за протекающей крыши, и в комнатах пахло плесенью. Краска в углах облупилась, лампы мигали, когда дети бегали в комнате наверху, а покрытые известковым налетом и ржавчиной краны в ванной и на кухне дрожали, выплевывая жалкие капли воды. Печально, что такой прелестный дом находится в столь плачевном состоянии.

И все же этот дом ей нравился, думала она, обходя комнаты с ведром в руке. Ей даже нравилось стирать пыль со старой мебели из красного дерева, мыть тяжелое створчатое окно, скрести скрипучие деревянные полы. Прошло всего несколько дней, а она уже чувствовала себя тут как дома. Стены словно обнимали ее, нашептывая, что она наконец обрела безопасность и тот образ жизни, о котором всегда мечтала. Действительно, иногда ей казалось, что старый особняк – ее лучший друг в Лондоне.

Фэй вытянула шею, чтобы посмотреть из заднего окна, чем там занимаются дети. Мэдди выкапывала совком сорняки вместе с землей, и вокруг нее уже образовалось несколько отвратительного вида куч, а Том изо всех сил лупил по кусту палкой. Фэй покачала головой – ей было и смешно, и неловко. Она не удосужилась объяснить детям, как работать в саду. Им ведь нужен наставник в жизни, мать, которая могла бы посвящать им больше времени.

На какое-то мгновение ее охватило непреодолимое желание стянуть желтые резиновые перчатки и надеть хлопчатобумажные для работы в саду. Как было бы хорошо чувствовать солнечное тепло на своем лице, видеть радостные улыбки детей.

Но здравый смысл все-таки возобладал – она отбросила ненужные мысли, словно пылинки, и сосредоточилась на ведре с мыльной водой и губке, старательно отмывая жирное пятно в маленькой духовке. Время не ждет, и не важно, кто ты – мужчина или женщина, твердила она себе. Нужно пользоваться моментом и завершить эти хозяйственные дела, пока дети нашли себе занятие, другой возможности может и не представиться.

Внизу, в спальне, выходящей окнами на сад, Джек продрал глаза и увидел луч солнечного света, который бил через узкую щель между шторами прямо ему в лицо. Он поскреб голову, слегка зевнул. Издалека с улицы доносились звуки автомобильных гудков, в саду вовсю щебетали весенние птички. До этого он провел несколько бессонных ночей, ворочаясь с боку на бок, поскольку печальные мысли не давали ему покоя. Но в это утро даже крепкий сон почти до одиннадцати не принес ему желанной ясности мысли.

Словно на автопилоте он сунул ноги в спортивные штаны, натянул поношенный свитер с надписью «Стэнфордский университет» и побрел через холл в огромную кухню. Так как урчание живота заглушало все остальные звуки, Джек схватил первую попавшуюся чашку, на всякий случай ее понюхал, чтобы понять, чистая ли она, налил туда вчерашний кофе и сунул в микроволновку. В ожидании звукового сигнала принялся искать, что бы съесть на завтрак, и в конце концов решил, что зачерствевшие остатки пиццы вполне сгодятся, ведь в них содержатся все четыре основные группы питательных веществ. С трудом затолкав пиццу в рот и сделав несколько глотков горького кофе, он плеснул в лицо холодной воды, пригладил пятерней волосы и счел, что выглядит и чувствует себя вполне прилично. Внезапно до его слуха донеслись оживленные детские голоса.

Безоблачное небо сияло лазурью. Благоухающие лепестки весенних яблонь облетели и теперь усеивали покрытые плиткой дорожки. В дальнем конце сада крошечные светло-зеленые бутончики уже виднелись на побегах глицинии, которые, словно змеи, вились по старым кирпичным стенам. Джек резко остановился на пороге, к своему удивлению, обнаружив в саду двух маленьких детишек, которые увлеченно трудились, как весенние пчелки, пытаясь, видимо, отчистить старый фонтан.

Девочка была старше мальчика года на два и, видимо, руководила процессом. Она восседала на шаткой деревянной лестнице и до блеска начищала лицо бронзового мальчика, одновременно отдавая распоряжения мальчугану, который, вероятно, был ее братом. Несмотря на хрупкость и ангелоподобное бледное личико, она вела себя как заправский сержант-инструктор, при этом, пожалуй, самый эффективный из всех, кого ему случалось видеть.

Мальчик был полной ее противоположностью и казался очень покладистым, безропотно выполняя все ее приказания. Это был худенький бледный ребенок с огромными глазами на бледном лице и взъерошенными волосами, которые торчали в разные стороны, что делало его личико совсем крошечным. Оглядев сад, Джек с удивлением понял, что дети неплохо поработали. На покрытых плиткой дорожках виднелись пятна грязи – свидетельства неравной борьбы между цепкими сорняками и маленькими упрямыми пальчиками. Да, они достигли немалого успеха, но при виде густых зарослей плюща, побеги которого даже кирпич заставляли покрываться трещинами, он вздохнул. Чтобы привести этот заброшенный сад в порядок, надо победить в этой войне с зелеными завоевателями, и победа может быть нелегкой.

Джек улыбнулся, догадавшись, что это, наверное, двое американских ребятишек, по поводу которых так беспокоилась миссис Ллойд, опасаясь, что они поцарапают мебель. Он любил детей и предпочитал общаться с ними, а не со взрослыми. В округе их было не так много, и ему не хватало детских криков и смеха на улице, веселых дворовых игр. Но эти двое вели себя гораздо тише, чем большинство ребятишек. Ему пришлось прислушаться, чтобы понять, о чем они говорят.

– А мальчик симпатичный, – сказала девчушка, по-прежнему протирая лицо бронзовой статуи. – Интересно, кто это?

Джек вышел в залитый солнечными лучами сад.

– Это Питер Пэн, – ответил он.

Девочка ахнула и тут же смущенно отвернулась, проверяя, на месте ли брат. Он стоял у фонтана в застывшей позе, как и бронзовая статуя, а глаза его округлились от страха.

– Вы кто? – испуганно спросила девочка.

Джек старался идти как можно медленнее, боясь напугать их еще больше.

– Я ваш сосед, – сказал он как можно более спокойным голосом. – Меня зовут Джек Грэхем. – Дети молчали. – А как вас зовут?

Девочка наклонила голову, изучая его подозрительным взглядом. Он улыбнулся, чтобы растопить лед недоверия.

Однако подобная благожелательность ее не убедила.

– Мне нельзя разговаривать с незнакомыми людьми.

– Я вовсе не незнакомый, – постарался разрядить обстановку Джек. – Живу на первом этаже. Между прочим, это и мой садик.

Девочка сощурила глаза.

– Мама сказала, что мы можем почистить фонтан. – Она говорила вызывающим тоном, словно провоцируя его на возражения.

– Вы делаете замечательное дело. – Джек продолжал медленно идти по направлению к фонтану, тихонько насвистывая.

– Знаете, – сказал он, указывая на кучу мокрых гнилых листьев на камнях, – там, наверное, полно отличных жирных дождевых червяков. Если вы не собираетесь использовать их как наживку на рыбалке, я, пожалуй, верну их в землю. Червяки очень полезны для сада.

– Правда? – Девчушка повернулась к брату, ухватившись за лестницу покрепче, чтобы не упасть. – Том, – повелительным голосом произнесла она, – иди, перебери эти кучи листьев и вытащи оттуда червяков.

Том нахмурился и покачал головой.

Девочка потеряла лоб.

– Совсем забыла. Он боится насекомых. И червяков тоже.

– Черви – друзья человека, – как можно дружелюбнее произнес Джек и, подойдя к кучам листьев, вытащил оттуда несколько отборных розовых червей и бросил их на взрыхленную трудами детей землю. Вытирая руки о штаны, он снова подумал, насколько живописна старая кирпичная стена, полукругом окружавшая сад. В нескольких местах желтые и лиловые крокусы – явно остатки прежнего великолепия, пробивались сквозь сорняки, весело подставляя яркие лепестки весеннему солнцу.

– Понимаете, мне всегда хотелось навести здесь порядок, но я никак не мог найти для этого времени. Всегда слишком занят. Замечательно, что вы за это взялись. Что же вы собираетесь здесь посадить? Надеюсь, помидоры?

– Во все нет. Здесь будут цветы. Очень много цветов.

– Мне следовало бы догадаться, – притворно сокрушался Джек. – Просто очень хотелось больших сочных помидоров, которые растут у нас на Среднем Западе. Впрочем, не беда. Цветы будут отлично смотреться рядом с фонтаном. Интересно, – добавил он, касаясь изящной резной чаши фонтана и наклоняясь, чтобы получше рассмотреть трубы, – может, мне удастся сделать так, чтобы эта штука снова заработала. Я ведь мастер на все руки.

Из глаз девчушки исчезло сомнение, и на ее лице расцвела солнечная улыбка.

– Правда? Как здорово, правда, Том!

Том же, напротив, сощурился так, что глаза его превратились в узенькие щелки, всем своим видом изображая недоверие, а затем поспешно спрятался за непомерно разросшийся самшитовый куст. За ветками, покрытыми блестящими листьями, были видны лишь пара грязных кроссовок и костлявые коленки мальчишки.

– Сдается мне, что я ему не очень нравлюсь. – Джек сокрушенно пожал плечами.

– Не обращайтесь внимания. Он никогда не разговаривает с незнакомыми людьми.

– В любом случае нам надо попытаться это исправить, правда? – Джек подбоченился и некоторое время пребывал в раздумье. – Что надо сделать, чтобы больше не быть для вас незнакомцем? Полагаю, в конце концов нам придется все время друг с другом сталкиваться, ведь у нас один сад на всех. И лето-то уже не за горами.

Девочка прикусила губу.

– Надо спросить разрешение у мамы. Она не хочет, чтобы мы разговаривали с кем-то, кого она не знает.

– А-а, тогда понятно. Похвальная осторожность.

– Конечно. Ей приходится быть осторожной.

– Почему?

Девочка замолчала, крепко сжав губы.

Джек не стал настаивать на ответе.

– А можно мне поговорить с твоей мамой?

Она кивнула, потом подняла голову и, крепко держась за деревянную лестницу, громко прокричала:

– Ма-а-ам!

– Надеюсь, это поможет, – пробормотал Джек. Он оглянулся на Тома, который осторожно выглядывал из-за куста. Но как только их глаза встретились, Том мгновенно снова нырнул в свое убежище. Джек подумал, что это выглядит слишком забавно, чтобы раздражать.

Через минуту из задней двери выскочила женщина. Ее лицо было бледным от страха, с губки, которую она сжимала в руке, стекали мыльные струи. Она была миниатюрной, как и ее дети, с очень светлыми волосами, стянутыми в кривой хвостик. Джинсы ее были закатаны до половины икр, и в целом она выглядела очень по-детски – ненамного старше своей дочери. Суцая серая мышка, но настроенная очень решительно.

Миссис О'Нил обладала изящной гибкой фигуркой, прямым веснушчатым носиком с точеными ноздрями, которые раздувались, как у прекрасной грациозной львицы, которая торопилась защитить своих детей. Казалось, от нее летят искры. О нет, подумал Джек, это далеко не серая мышка.

– Что случилось, Мэдди? – спросила она, ее голубые глаза сверкали, когда она осматривала сад. – А где Том?

Мальчик вышел из-за самшитового куста и стоял, уставившись в землю.

– Мы... мы просто хотели познакомить тебя с нашим новым соседом, – смущенно объяснила девочка. Было очевидно, что она вовсе не желала до такой степени испугать мать.

На лице женщины появилось выражение глубокого облегчения. Она расплылась в улыбке, нежно глядя на детей. Затем заметила Джека, стоявшего у сарая, и настороженность вернулась. Джек подумал, что, судя по ее жесткому подозрительному взгляду, он либо смахивает на серийного убийцу, зарубившего топором нескольких человек, либо его волнистые волосы торчат в разные стороны самым неподобающим образом, и на всякий случай пригладил их пальцем.

– А вы, наверное... – В ее бархатном мурлыкающем голосе слышались почти смертоносные, опасные нотки. Она не была недружелюбной, но и добрососедскими ее интонации назвать было нельзя. Джек вспомнил слова девочки: «Ей приходится быть осторожной».

Протянув ей руку с самым приветливым видом, Джек произнес:

– Я ваш сосед, Джек Грэхем. Живу здесь на первом этаже.

– Понятно... доктор Грэхем, – медленно ответила она. Ему казалось, что он слышит, как ее ум просматривает множество файлов, находит его и пристально изучает данные. Наверное, ему все-таки удалось пройти первый барьер, поскольку напряженность на ее лице исчезла и на смену ей пришло осторожное любопытство.

Он чувствовал, что миссис О'Нил пристально изучает его мускулистую фигуру под мешковатыми спортивными штанами и поношенным свитером и, наверное, удивляется, неужели этот непрезентабельный тип действительно ученый.

Впрочем, нельзя ее за это осуждать. Большинство людей представляют ученых заморенными старцами со сгорбленной спиной и неизменной ручкой в нагрудном кармане.

Они должны носить очки в тяжелой оправе и не уметь отличать бейсбол от футбола. Это был устоявшийся стереотип, который вовсе не подходил современным молодым рыцарям науки. Джек знал, что с его высокой стройной фигурой, выразительными карими глазами и густой шапкой непокорных кудрей шоколадного цвета большинство людей в университетском городке скорее принимают его за студента-практиканта, а вовсе не за физика-теоретика с мировым именем.

Однако те, кто удосуживался взглянуть на него более пристально, замечали, что выражение лица скорее было печальным, а не жизнерадостным, в уголках темных глаз прятались мелкие морщинки, выдающие напряженную работу мысли, а жесткие линии вокруг рта говорили о том, что этот человек ищет ответы на тысячи вопросов.

Со смущенной улыбкой на губах Фэй переложив мокрую губку в другую руку, вытерла ладонь о фартук и после секундного колебания приняла его рукопожатие.

– Приятно с вами познакомиться. Меня зовут Фэй О’Нил, а это мои дети – Мэдлин и Том. Дети, это доктор Грэхем.

– Приятно познакомиться, мисс О’Нил. Или я могу называть вас Мэдди? – Он раскланялся в шутливо-церемонной манере. Его усилия были вознаграждены легкой улыбкой на лице девочки.

– Конечно.

– Тогда зовите меня Джек, – добавил он с улыбкой, от которой на щеках проступили симпатичные ямочки.

Мэдди улыбнулась еще шире.

– Том, ну-ка поздоровайся с Джеком.

Том опустил глаза и протянул руку, не произнося ни слова.

– Дайте ему время, – сказала Фэй, подходя к сыну и обнимая его за плечи, словно пытаясь защитить. Том тут же прижался к ней и спрятал лицо в ее фартуке.

Наблюдая эту немую сцену, Джек невольно ощутил волнение. Ему были неведомы такие проявления родительской любви, он отчаянно ее желал и завидовал тем, кому она была дарована.

– Он просто застенчивый и неразговорчивый, – пояснила женщина, глядя волосы мальчика.

– Все в порядке, парень. Но помни, мы больше не незнакомцы. – Джек повернулся к Фэй и добавил: – Вам будет приятно узнать, что никто из них не сообщил ни имя, ни звание, ни серийный номер, как я их ни пытал.

– Ну, понимаете... – Женщина снова насторожилась. – Я действительно учу своих детей быть осторожными. В наше время это не помешает.

Джек сощурил глаза, разглядывая ее бледное лицо, тонкие светлые волосы, пряди которых выбились из взлохмаченного хвостика, мокрую губку, зажатую в маленьком кулачке. На лице Фэй О’Нил застыло напряженно-загнанное выражение человека, подвергающегося большим нервным стрессам. Хотя улыбка ее была весьма приятной, когда она забывала о том, что надо защищаться, и позволяла себе улыбаться. При этом ее глаза освещались внутренним светом, точь-в-точь как у Мэдди. От этого света замирало сердце, но он появлялся лишь ненадолго, и всякому, кто его видел, хотелось сделать что угодно, лишь бы эти глаза зажглись снова.

Однако было ясно, что для этого потребуются большие усилия. Эти трое были замкнутыми и всегда держались настороже, словно члены закрытой банды, к которым было чрезвычайно трудно втереться в доверие.

– Как, вы сказали, его зовут? – спросила Мэдди с лестницы. Она снова усердно полировала лицо бронзового мальчика.

– Питер Пэн, – ответил Джек, подходя к ней.

– Точно. Я о нем слышала. Это ведь фильм, правда?

– Ты угадала. Но сначала появилась книжка. Чудесная сказка об этом умном мальчике Питере Пэне, его волшебном острове Нетландии и трех детях – Венди, Майкле и Джоне. Ты ее читала?

– Нет.

Том сделал один маленький шагок к ним, изо всех сил делая вид, что не прислушивается к разговору.

Однако Джек это заметил и добавил красок своему повествованию.

– Ну, тогда тебе повезло. Самая лучшая сказочница в мире живет в квартире над вами. Ее зовут Венди Форрестер. И ее любимая история как раз про Питера Пэна. Она знает об этом герое даже больше, чем сам сэр Джеймс Барри.

– А кто это? – поинтересовалась Мэдди.

– Человек, который написал эту книгу.

Мэдди и Том одновременно повернули головы и бросили любопытный взгляд на окна на третьем этаже.

– Миссис Ллойд четко дала понять, что мы не должны беспокоить ее мать, – сказала Фэй.

– Ах да, милейшая миссис Ллойд. Советую не обращать внимания на эту сварливую женщину. Если бы она была моей дочерью, я бы тоже прятался на чердаке, – ответил он, с явным сожалением качая головой.

– Так с ней все в порядке? – спросила Фэй. – Я имею в виду, она нормальная?

– Кто, миссис Ллойд? До неприличия нормальная.

– Да нет, – сказала Фэй, весьма удивленная этой фразой. – Я имею в виду миссис Форрестер, которая живет на третьем этаже.

– Вы имеете в виду Безумную Венди? – спросил Джек с нежностью в голосе.

Мэдди тут же отвернулась от начищаемой до блеска статуи и посмотрела на Джека.

– Безумная Венди? – спросила она с блеском в глазах, явно заинтересованная.

Однако Фэй побледнела.

– Умоляю, скажите мне, что она не сумасшедшая.

– Конечно, не сумасшедшая. Я имею в виду, в медицинском смысле. Но она... как бы это сказать?

– Эксцентрична, – с каменным выражением лица произнесла Фэй.

– Вот именно! Нет ничего лучше, чем эксцентричность в преклонном возрасте. Хотел бы я быть таким же неменяемым в возрасте Венди.

– Вот и отлично. – Фэй прошла в сад и присела на перевернутый большой цветочный горшок с усталым видом, покачивая рукой с губкой между коленями.

– Скажите, а что вы имеете в виду под эксцентричностью? Например, целый день сидеть в парке и кормить голубей – это эксцентрично? Или же настоящие эксцентрики бегают голыми по улицам с разделочным ножом?

– Это сложный вопрос, – ответил Джек, поглаживая подбородок. Как ни странно, он наслаждался разговором, хотя, конечно, было бессовестно дразнить такого осторожного человека, как Фэй О'Нил, подобным образом. Перед его глазами стояла внушительная фигура его приемной матери, которая качала головой, приговаривая: «Ах ты, безобразник!» Он сунул руки в карманы и покачался с носка на пятку, как делал в детстве, когда его отчитывали.

– О старушке ходит много разных слухов, – честно заявил он. – Понимаете, люди здесь любят заниматься домыслами. Дело в том, что днем она никогда не выходит на улицу. Появляется только ночью, и то в основном сидит у окна. Некоторые считают, что она беседует со звездами. Но другие злые языки утверждают, что она тайно руководит наркосиндикатом.

Фэй усмехнулась, и они обменялись веселыми взглядами, а потом выражение лица Джека стало более серьезным.

– По правде говоря, разглядывание звезд на небе – это и мое любимое занятие. Знаю, вы скажете, что я делаю это по долгу службы. Иногда я поднимаюсь наверх, чтобы проверить, как там Венди. Сначала я делал это просто потому, что беспокоился. Теперь же я получаю удовольствие от общения с ней. Надо сказать, она довольно много знает о небесных светилах, и у нас подчас случаются довольно занятные беседы.

– Вполне подходящее хобби для пожилой женщины, – ответила Фэй, пожимая плечами. – Ведь это умиротворяет душу и успокаивает нервы. Так что не вижу в этом ничего необычного.

– Совершенно с вами согласен. Приятное, нормальное хобби... Но только для Венди это не совсем хобби. Дело в том, что она дружит со звездами. Разговаривает с ними.

Фэй несколько раз моргнула от изумления.

– Вы имеете в виду... она разговаривает со звездами? И они ей отвечают?

– Ну, как вам сказать? – ответил он, глядя на Фэй. В его глазах, словно звезды, светились веселые искорки.

– Может быть, это просто от одиночества. Ведь многие пожилые люди страдают от недостатка внимания.

– Может быть, и так. Правда, ее родственники живут совсем неподалеку. Дочь, разумеется, та самая Джейн Ллойд. Внуки, даже правнуки. Все дело в том, что они почему-то стараются держаться от нее подальше. Лишь дочь иногда приходит проверить, все ли с ней в порядке. И, разумеется, с домом. Честно говоря, мне часто кажется, что последний интересует ее гораздо больше.

– Сдается мне, что мисс Ллойд не в восторге от этих визитов.

– Откуда нам знать, почему так происходит? Семейные проблемы зачастую имеют глубинные корни. Во всяком случае, – Джек пожал плечами и бросил красноречивый взгляд на окна третьего этажа, – она сидит у окна и с надеждой смотрит на звезды.

– И это все? – спросила Фэй с явным облегчением. – Просто сидит у окна и разговаривает сама с собой? Ну, в таком случае половину женщин в Чикаго можно смело назвать сумасшедшими.

– К тому же, – добавил Джек после минутной паузы, – она все время говорит об этом мальчике. – Он жестом показал на бронзовую статую.

– О ком? – спросила Мэдди, потрянув головой. – О Питере Пэне?

– А о ком же еще? Она знает о его жизни в Нетландии все, до мельчайших деталей. В этом весь смысл ее жизни. Это ее собственный мир, я полагаю.

– Ну и что в этом ненормального? – Мэдди пожала плечами и снова посмотрела на окна третьего этажа.

– Она верит, что все, как в этой сказке, – сказал он, – с трудом сдерживая улыбку. При виде изумленного лица Фэй он добавил:

– Представьте, бедная старая миссис Форрестер верит в то, что она и есть Венди – подруга Питера Пэна.

Фэй опустила голову, закрыв лоб руками, и кивнула.

– Ну, конечно, – произнесла она с сарказмом. – Вот это точно ненормально.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Мэдди, опасно свешиваясь с лестницы.

– В книге про Питера Пэна Венди Дарлинг – это маленькая девочка, которая вместе с Питером летит верхом на ветре на волшебный остров, который называется Нетландия. В конце приключений она возвращается домой и взрослеет. Наша соседка сверху думает, что она та самая Венди, и каждую ночь сидит у окна в ожидании возвращения Питера Пэна. Она уверена, что он за ней прилетит.

– Прикольно, – вступила в беседу Мэдди. Она была так оживлена, что, казалось, по ее телу течет электрический ток. – А что, если это так и есть?

– Не говори глупости, Мэдлин, – резко одернула ее мать. Мэдди сердито сощурила глаза, глядя на нее с вызывающим видом. – Питер Пэн не существует. Это просто персонаж из сказки.

– Вы уверены? – спросил ее Джек.

– Что? – резким голосом откликнулась Фэй, поворачиваясь к нему и трясая головой. – А-а, понятно... Пожалуйста, не надо шутить на эту тему. Я хочу, чтобы мои дети понимали разницу между реальностью и фантазией.

– А я вовсе и не шучу, а говорю совершенно серьезно. Дело в том, что я каждый день сталкиваюсь с такими вещами. Откуда вы знаете, что Питер Пэн не существует? Или, к примеру, НЛО? Взрослые строят свои утверждения на двух вещах: физический мир и логика. Но в моей работе я все время прихожу к осознанию того, что то, что мы считаем непреложными законами, вовсе таковыми не являются.

– Послушайте, Джек. Я прекрасно знаю обо всех чудесах и странностях современной науки. И хочу, чтобы дети тоже в этом разбирались. В то же время я слишком уважаю Мэдди и Тома, чтобы не навязывать им детские представления, например, о реальности Санта-Клауса.

– Понимаю. Значит, они... – Джек замолчал и с любопытством взглянул на детишек. Видя, что они внимательно на него смотрят, он поднес руку ко рту и прошептал Фэй с заговорщицким видом:

– Они не верят в Санта-Клауса.

Фэй тихо рассмеялась.

– Нет, они не верят в Санта-Клауса, – громко объявила она. – И в пасхального зайца, и в Питера Пэна. Все это ложные образы, созданные, чтобы манипулировать эмоциями слабых людей. Видите ли, я работаю в рекламном бизнесе и прекрасно понимаю силу таких способов воздействия на сознание. Я же воспитываю своих детей таким образом, чтобы они не поддавались влиянию рекламы – или других манипулятивных приемов. В нашей семье мы все решения принимаем исходя из твердой логики и здравого смысла.

Джек выпрямился и посмотрел на нее с легким вызовом.

– А что вы скажете, если я заявлю, что могу доказать вам, что альтернативная реальность существует? Возможно, и Питеру Пэну найдется в ней место.

Фэй закатила глаза.

– Ну вот, удача мне изменила. Я живу по соседству не только со старой леди, у которой не все дома, в квартире на верхнем этаже, но и с безумным ученым на первом.

Фэй повернулась к детям и наклонилась, чтобы взглянуть им в лицо. Взяв их руки в свои, она серьезным тоном заговорила:

– Дети, постарайтесь понять, что я вовсе не желаю критиковать миссис Форрестер. Бывает так, что люди стареют и у них начинаются проблемы с головой. Они путают реальность и свои фантазии. – Она взглянула на Джека, высоко подняв бровь. – Правда, иногда это случается и с вовсе не старыми людьми.

– Осторожнее выбирайте слова. Когда-нибудь вам придется взять их обратно.

Она снова повернулась к детям и потрясла их за руки, чтобы отвлечь внимание от Джека, глаза которого в этот момент сияли не меньше, чем у Мэдди.

– Иногда люди забывают, что происходит сегодня, и живут в прошлом. Именно это и случилось с миссис Форрестер. Эта несчастная старая женщина верит в свои вымыслы по поводу Питера Пэна, но вы не должны проявлять неуважение по отношению к ней. Просто держитесь от нее подальше.

Том слегка нагнулся вперед, опустив лицо, чтобы Джек не мог его видеть.

– А мне нравятся сказки, – еле слышно прошептал он.

– И мне тоже, – резко заявила Мэдди.

– Уверен, ей есть что вам рассказать, – сказал Джек. Фэй посмотрела на него предостерегающе. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на нее с вызовом, совсем как Том.

– Миссис Ллойд предупредила, что дети могут причинить ее матери беспокойство.

– Что за чушь! Она любит детей. Согласитесь, пожилой женщине полезно общение.

– Я сказала, что не разрешаю. – Ее тон был резким и решительным. Она встала перед ним, расправив плечи. Фэй придется поддерживать с ним соседские отношения, но, надо признать, он явно перегнул палку. – Доктор Грэхем, это зашло слишком далеко. Я не шучу, когда речь идет о моих детях. – Затем она опустила глаза и произнесла уже более мягко, но все же в голосе проскальзывали железные нотки:

– Дети, вы не должны беспокоить миссис Форрестер. Надеюсь, вам понятно?

Мэдди и Том кивнули с самым серьезным видом.

Джек почувствовал растущее раздражение при виде явного разочарования на детских рожицах. Он искренне любил детей – ему нравились свойственные юным душам оптимизм и безграничная игра воображения. И ему было невыносимо видеть, как им отбивают желание верить в чудеса. А этих двоих ребятишек явно надо спасать. Надо бы помочь их маме слегка раскрепоститься, решил он. По сравнению с ней даже статуя Свободы выглядит весьма раскованной. А что, неплохая идея! У него самого было нелегкое детство, но он может сделать жизнь этих детей немного веселее. Станным образом, эта мысль в какой-то степени сняла беспокойство, которое Джек испытывал в глубине души. Теперь ему уже не так хотелось нанять частного детектива. Он усмехнулся про себя. На самом деле, эта благородная миссия может оказаться даже приятной.

– Мне пора идти, – сказал он, помахав всем рукой. – Приятно было с вами познакомиться, Фэй. И с вами тоже, Мэдди и Том.

Они распрощались, и он повернулся, чтобы уйти. Однако, уже на пороге, не смог устоять перед искушением обернуться, чтобы, выразительно подняв брови, добавить последний штрих:

– Между прочим, к вашему сведению, я лично верю и в Санта-Клауса, и в неопознанные летающие объекты. И даже допускаю возможность существования Питера Пэна.

После этого он слегка подмигнул детям, словно провоцируя их, что выглядело совершенно по-детски. Глаза Мэдди округлились, а Том, наоборот, сощурился. Джек поднял голову и встретился взглядом с Фэй. Она стояла, прямая как палка, со скрещенными на груди руками и поднятыми бровями, всем своим видом выражая неодобрение, словно школьная учительница, готовая отчитать нерадивого ученика. Джек просто не смог удержаться, впрочем, как и всегда. В его ушах явственно раздавался голос приемной матери: «Вот озорник!»

Подняв уголки губ в лукавой улыбке и глядя Фэй прямо в глаза, с явным вызовом, он подмигнул и ей. При виде ее совершенно растерянного лица он повернулся и медленно пошел прочь, насвистывая веселую мелодию, в полной уверенности, что выиграл первый раунд схватки.

Глава 3

После нескольких долгих напряженных дней Джек наконец почувствовал, что ему все же удалось вернуть и команду, и научно-исследовательский проект в прежнее русло. Работа полностью наладилась. В тот вечер ему удалось прийти домой не слишком поздно, и он уже было собирался съесть первый за долгое время горячий ужин, купленный в соседней забегаловке, как вдруг зазвонил дверной колокольчик. Джек в раздражении бросил вилку на стол и поспешил к двери. На пороге стоял невысокий грузный мужчина с живыми глазами. Одет он был в зеленый плащ, а в руках сжимал шляпу.

– Вы, наверное, доктор Грэхем? – Он отчеканивал каждое слово.

Джек прислонился к дверному косяку, пытаясь вычислить, кто бы это мог быть.

– Если вы продаете какие-нибудь товары, то мне это неинтересно, – произнес он.

Незнакомец подергал себя за усы.

– Если вы и есть доктор Грэхем, то у нас с вами назначена встреча. Позвольте представиться – я детектив Йен Фарнсуорси. Вы хотели встретиться в семь часов, не так ли?

Джек поморщился, внутренне кляня себя на чем свет стоит. Он был так занят последнее время, что совершенно забыл, что впопыхах назначил частному детективу встречу. У него защемило сердце. Действительно ли он хочет нанять этого человека? После стольких лет неизвестности? На какую-то секунду он даже пожалел, что посреди ночи позвонил в детективное агентство и затеял эти поиски. Ведь он был достаточно счастлив быть тем Джеком Грэхемом, которого так хорошо знал, – убежденным холостяком, одиночкой без каких-либо сильных привязанностей. Давным-давно он решил, что ему вовсе не следует знать свое прошлое, чтобы строить будущее. Нет, он не испытывал к себе жалость, скорее наоборот. А семью он так или иначе построил. Друзья были его братьями и сестрами, да и недостатка в общении у него никогда не было – он легко заводил новые знакомства.

– Да-да, конечно. Простите, чуть не забыл. Входите, пожалуйста, – ответил Джек, открывая дверь провидению.

Йен Фарнсуорси снял плащ и стоял в прихожей, осматривая царящий в комнате беспорядок скорее со смущением, чем с осуждением. Историю здания можно было проследить до семидесятых годов XX века по обшарпанной мебели марки «Баухауз» в маленькой гостиной, которая когда-то, возможно, служила комнатой для слуг. Ветхие золотисто-коричневые шторы и вычурный геометрический узор ковра вызывали лишь усмешку. На ковре лежали стопки книг, горы исписанных листов, несколько пустых чашек и целая коллекция пивных бутылок. Фарнсуорси невозмутимо покачивался с пяток на носки, все еще держа плащ в руках.

– Пожалуйста, садитесь сюда, – без всякого смущения сказал Джек, одной рукой забирая у детектива плащ, а другой смахивая с кресла стопку бумаг. Он бросил плащ на спинку ближайшего стула, а потом, не найдя другой свободной поверхности, положил стопку бумажных листов на пол. Он и не думал извиняться за беспорядок в комнате, потому что просто не замечал его. Джек уселся на подлокотник дивана и уставился на детектива.

Фарнсуорси оказался на удивление ловким и лавировал между хаотически разбросанными кучами барахла на полу грациозно, словно балерина. Джек наблюдал сей спектакль почти с благоговением, потому что детектив отличался весьма внушительной комплекцией. Разрез дешевого пиджака из синей шерсти расходился над объемистым задом, и оставалось только гадать, есть ли под пиджаком кобура с пистолетом.

– Значит, вы и есть тот самый человек, который должен сорвать покров тайны с моего прошлого? – спросил Джек, потирая руки. – Раньше я никогда не предпринимал таких попы-

ток и приобщался к детективным историям только в компьютерной игре «Улика» – ну, вы знаете: мисс Скарлетт и профессор Плам выясняют, кто убил доктора Блэка в библиотеке.

Фарнсуорси в замешательстве взглянул на хозяина квартиры.

– Не обращайтесь внимания. Итак, с чего начнем?

– Ну, сэр, это то, что я называю предварительной встречей. Сейчас мы могли бы спланировать наши дальнейшие действия. Возможно, если вы объясните мне, что конкретно хотите, я смогу задать традиционные вопросы: кто, что, где и как.

Джек сложил руки на груди.

– Понял. Все очень просто. Я хочу знать, кто я такой.

– И все? – Фарнсуорси изо всех сил сдерживал улыбку, но в его глазах плескалось веселье. Это хорошо – Джек любил людей с чувством юмора.

– Разумеется, я имею в виду, с биологической точки зрения. Ну, и любая другая информация тоже приветствуется.

Оба мужчины усмехнулись, зная, что судьба любого человека состоит в том, чтобы идти по жизни, беспрестанно задавая себе вопрос: кто я есть?

– Итак, сэр, может быть, вы мне изложите все, что вам о себе известно?

– На самом деле известно совсем немного. Я родился в Англии, но свидетельства о рождении у меня нет. Также я ничего не помню о первых шести годах своей жизни. Табула раса, так сказать. Все, что я знаю, это то, что в возрасте шести лет меня отправили в детский приют. Там я провел два года, хотя довольно плохо помню это время. Потом меня усыновила семья из Англии, которая переехала в Америку. Их зовут Уорнер и Анна Грэхем. Все остальные годы провел в Штатах. – Джек развел руками и пожал плечами. – Вот, собственно, и все. Никаких братьев и сестер, никаких родственников. Этого, наверное, мало для расследования?

– Но мы ведь еще даже не начали...

– Мистер Фарнсуорси... – Джек замолчал и потер бедра ладонями. До настоящего времени он не осознавал, как много значит для него это расследование. От волнения у него покалывало в пальцах. Теперь ему было не до смеха.

– На самом деле мне хотелось бы выяснить... кто моя мать, – тихо произнес он. – И кто мой отец.

Он поднял голову и увидел, что детектив смотрит на него с искренним сочувствием. Джек в смущении встал, подбоченился и с беспечным видом пожал плечами.

– Надеюсь, это не будет слишком сложно, не так ли?

Фарнсуорси захлопнул записную книжку и кашлянул. Потом встал и протянул Джеку руку с совершенно серьезным видом. Он явно не относился к числу людей, которые будут вести себя легкомысленно с клиентами и злоупотреблять их временем.

– Я сделаю все, что в моих силах, сэр.

Джек крепко пожал руку детектива, впервые в жизни чувствуя, что на сей раз у него есть шанс найти ответы на свои вопросы.

В тот же самый вечер, в другом конце города, сидя за длинным столом из красного дерева, Джейн Ллойд смотрела на мужа,ковырявшего вилкой в жестком куске куриной грудки. Они были вдвоем в просторной, прекрасно обставленной столовой, хотя за этим столом мог усесться еще добрый десяток человек. Джейн настаивала на том, чтобы всегда раздвигать стол, даже когда дети разъехались. Большинство ее друзей обедали и ужинали на кухне, а некоторые и вовсе продали старые дома и переехали в квартиры меньших размеров, которые не требовали особого ухода, и к тому же поблизости находились медицинские учреждения, так необходимые в пожилом возрасте.

Тем не менее Джейн и Хью Ллойд никогда не рассматривали возможность переезда, несмотря на то что их образ жизни обходился им слишком дорого. Им были по душе устои прошлого, и они слишком в них увязли, чтобы что-то менять. Джейн в детстве читала сказки, а когда выросла – исторические любовные романы эпохи Регентства, поэтому переезд в этот прелестный дом в георгианском стиле в Риджентс-парке для молодой невесты был воплощением давней мечты. Даже несмотря на то, что с тех пор эта мечта несколько увяла, как, впрочем, и она сама, Джейн все еще старалась поддерживать образ жизни, который она считала достойным.

Даже то, что во время трапезы они с мужем сидели на приличном расстоянии друг от друга, нисколько ее не смущало. В любом случае, муж редко с ней разговаривал, а когда это случалось, обращался к ней с таким снисхождением, что это непременно портило ей аппетит. Вот и сейчас при взгляде на мужа ей уже не хотелось есть, настолько неприглядным был его облик: после последнего сердечного приступа он напоминал ходячего мертвеца, и никакая диета с пониженным содержанием жиров не улучшала его состояния. Он сидел, в три погибели согнувшись над тарелкой, и напоминал ей большую подбитую птицу, нехотя клюющую зерно.

– Я сдала квартиру на втором этаже в доме номер четырнадцать, – начала Джейн, взяв салфетку и расправляя ее на коленях. Ответа не последовало, но она продолжила:

– Женщине из Америки с двумя детьми. Надеюсь, пустить в дом детей не было ошибкой с моей стороны. У матери вполне приличная мебель, и мне не хотелось бы, чтобы ее испортили. Ты же знаешь, любая царапина может снизить ее стоимость. Хью, ты меня слышишь?

Проглотив кусок и вытерев рот салфеткой, муж кивнул с выражением бесконечной скуки на лице.

– Большая часть мебели была вывезена, когда в доме оборудовали три квартиры, насколько я помню. – Он презрительно фыркнул. – А та, что осталась, не представляет особой ценности. Так что на твоем месте я бы не беспокоился.

Джейн ошетибилась. Не представляет ценности, подумать только! Он вообще понимает, сколько сейчас стоит винтажная мебель начала XX века? Конечно, она не настолько ценна, как, например, мебель XIX века, которая досталась Хью в наследство от предков.

– Тем не менее мебель в квартире, где поселилась семья О’Нил, стоит несколько тысяч фунтов, и мне не хотелось бы, чтобы ее испортили непослушные дети.

– Если ты так над ней трясешься, зачем ты их вообще туда пустила? – искренне удивился Хью.

– Ты же знаешь, что не так-то просто найти жильцов на короткий период времени. Надо сказать, нам повезло с этими американцами. Они собираются прожить там год или чуть больше. Конечно, было бы лучше, если бы они сняли квартиру на более длительный срок, но... – тут она вздохнула, – никто не знает, сколько времени мать еще проживет в том доме.

Хью в ответ лишь хмыкнул и снова принялся за свой неаппетитный ужин.

Джейн нахмурилась. Он никогда не хотел обсуждать ее мать. Впрочем, и собственных детей тоже. Все, что его интересовало, – это его ужасная коллекция марок, по которым он просто сходил с ума. Тем не менее несмотря на то, что он уволился из банка много лет назад, ум его оставался таким же изощренным и он по-прежнему следил за тенденциями на рынке и ценами на недвижимость. А именно последнее занимало все мысли его жены в тот вечер.

– Не знаю, сколько еще смогу разрешать матери жить в той квартире. Ей уже так много лет. В таком возрасте жить одной просто непозволительно.

– Дело же не в том, что ты позволяешь ей жить там одной, не правда ли, дорогая? Совершенно определенно, что вопрос тут в другом.

Джейн поерзала на стуле, словно в сиденье был гвоздь.

- Ну, должна же она, наконец, проявить благоразумие. Может быть, впервые в жизни?
- Ха! Скорее снег пойдет в июле, чем Венди Форрестер проявит благоразумие.

Джейн нахмурилась, думая о том, что одержимость матери волшебными историями всю жизнь заставляла ее стыдиться. Впрочем, не всю жизнь. Она еще помнила ранние годы детства, когда мать сидела на ее кровати в детской и рассказывала чудесные истории о волшебной стране Нетландии. Маленькая Джейн даже мечтала попасть на магический остров в компании Питера Пэна. Однако разница между ней и ее матерью заключалась в том, что когда Джейн выросла, она поняла, что мечты и сказочные истории – это лишь плод воображения. А когда мать постарела, она снова впала в детство и, к сожалению, уже не могла отличить вымысел от реальности.

– Просто не знаю, что и делать, Хью, – посетовала она. – Действительно не знаю. Она слабеет на глазах. Я очень о ней беспокоюсь.

– А разве к ней не приходит сиделка? Та самая, с лошадиным лицом?

– Сестра Джеркинс. Да, каждый день приходит. Должна признать, весьма надежный работник, несмотря на то, что ее услуги весьма дороги. Но мне не хочется, чтобы мать оставалась одна по ночам.

– Она ни за что не согласится, чтобы ночью с ней кто-нибудь находился, – заметил Хью.

– В этом-то вся и проблема, разве не так? – Она тяжело вздохнула, отодвинула тарелку и потянулась за бокалом с вином. – И все из-за этих бредовых идей с Питером Пэном. А теперь, когда в доме появились дети, я вообще боюсь, что она потеряет остатки разума. Помнишь тот случай с детьми Макмилланов?

Лицо Хью помрачнело, и он тоже машинально протянул руку за бокалом вина – единственным, который он обычно позволял себе за ужином. Упомянутый эпизод касался двух соседских детей, которые приходили в дом номер четырнадцать послушать сказки, которые рассказывала Венди. Миссис Макмиллан утверждала, что ей просто повезло, и она пришла вовремя, чтобы предотвратить несчастье. Венди, видите ли, разрешила детям прыгнуть с высокого камина, чтобы научиться летать. Джейн пришлось задействовать весь свой дар убеждения, чтобы отговорить женщину обращаться к адвокату.

– Ну, просто надо держать ситуацию под контролем, согласна? – изрек Хью.

– Но я же не могу сидеть там весь день, чтобы следить за матерью, – жалобным голосом протянула Джейн. – Ей нужен надлежащий уход. Профессиональный уход. – Она некоторое время помолчала. – Причем постоянный.

Хью несколько секунд крутил бокал в пальцах.

– Но ведь интернаты для престарелых с медицинским уходом довольно дороги... Сколько она унаследовала от твоего отца?

– Достаточно. Ну, или почти достаточно. – В голосе Джейн слышалась явная горечь. – Каждый раз, когда я думаю, какой обеспеченной она могла бы сейчас быть, у меня внутри все кипит.

– Вот только не надо снова затевать эту песню.

– Но я ведь правду говорю. Если бы она не растратила состояние отца на этот отвратительный приют для мальчиков в Лондоне, который ей взбрело в голову основать, не было бы сейчас никаких проблем и она могла бы себе позволить полное медицинское обслуживание или пребывание в интернате. На себя она не потратила ни фартинга.

– Да, так и есть. Эта женщина – сплошная загадка. Тем не менее твоя мать вполне бы могла позволить себе проживание в обычном интернате для престарелых, если бы согласилась туда перебраться. Но, конечно же, об этом не может идти и речи. Поэтому всякое обсуждение этой неприятной темы абсолютно бесплодно.

– Ты упустил самое главное, – сказала Джейн, откидываясь на спинку стула.

– Сомневаюсь. Речь ведь всегда об одном, разве не так? Деньги твоей матери... или их отсутствие. – Раздражительность Джейн росла с каждым выпитым глотком вина. – Все дело в том, что мать в прошлом приняла несколько неразумных решений и продолжает проявлять упрямство, отказываясь переезжать из дома номер четырнадцать в дом престарелых. Согласись, в ее преклонном возрасте это сущее безумие.

Хью одарил ее кривой саркастической усмешкой, заставившей Джейн пожалеть о том, что она неудачно выразилась. В конце концов, все знали, как Венди называли за глаза.

Джейн сидела в напряженном молчании, а ее муж закурил сигарету – единственная привычка, от которой он упорно не хотел отказываться. Пытаясь успокоиться, она разглядывала столовую, которую обожала за ее богатый стиль. Конечно, этот дом, как и большинство старых домов, был холодным и сырым. Укутанная в шарф, она невольно ежилась при виде облупившейся краски в углах, потрепанных краев обюссонского ковра и истончившихся нитей шелковой обивки кресел с рисунком в виде пчел – символа империи Наполеона, от которой она приходила в восторг тридцать лет назад. Без сомнения, содержание этого дома в надлежащем виде требовало огромных расходов. Возможно, следовало бы все же продать его или разделить на несколько квартир, которые можно было бы сдавать, как сделала в свое время ее мать.

Но для нее это было исключено – она слишком любила свой дом. Он значил для нее все в этой жизни. Возможно, ее мать – неукротимая Венди Форрестер – нисколько не опасалась потери социального статуса. Ведь ее все обожали. И, надо сказать, она прекрасно этим пользовалась, подумала Джейн, чувствуя, как в глубине души поднимается давнее негодование. Все любили Венди за то, что она потратила состояние отца на этот приют для мальчишек-сирот. Если бы она этого не сделала, все деньги достались бы ей, Джейн.

Она налила себе еще один бокал вина и вновь подумала о том, что мать всю душу отдавала этим мальчикам. Она без конца трудилась, устраивая благотворительные балы и собирая деньги для приюта. Венди никогда не придавала значения таким вещам, как закрытые частные школы, принадлежность к высшему обществу, важные знакомства – всему тому, что составляло смысл жизни для Джейн и ее детей. Неужели мать не догадывалась, что это может вызывать возмущение ее дочери?

Ну что ж, думала она, поднося бокал к губам, ей, как всегда, предстоит самой найти практическое решение этой проблемы. Слава богу, хоть кто-то в семье родился с чувством здравого смысла.

– Хью, – начала она, стараясь отвлечь его рассеянное внимание от сигареты. – Как ты думаешь, сколько может принести продажа дома номер четырнадцать с учетом нынешних цен на рынке недвижимости?

Повисла долгая пауза – Хью размышлял, пуская длинные струйки дыма.

– Этот округ начинает пользоваться большим спросом, поскольку его реконструируют, – медленно произнес он, словно взвешивая каждое слово.

Джейн подалась вперед, она ловила каждое слово мужа.

– Ты совершенно прав. Между прочим, молодые люди с деньгами платят просто чудовищные суммы за дома, которые и сравниться не могут с особняком, в котором живет мать.

– Рядом магазины, парки, музеи...

– Там открываются бутики, что всегда служит хорошим знаком.

– Точно, – пробормотал он, наблюдая, как спираль дыма от сигареты поднимается к потолку. – Когда-то это было чудесное место, и есть все предпосылки, что оно снова станет таким.

Джейн нервно постукивала пальцами по бокалу. Может, стоит повысить арендную плату? В настоящее время она была вполне разумной, но, возможно, с учетом того, что сообщил Хью, она упускает свою выгоду?

Муж погладил подбородок, явно просчитывая в уме разные варианты.

– Дом вообще-то в ужасном состоянии. Необходимо полная реконструкция. Тем не менее даже в столь плачевном виде он стоит явно больше миллиона...

– Неужели так много? – изумленно охнула Джейн.

– Плюс-минус несколько фартингов. Но все это не имеет ни малейшего значения. Это лишь пустые рассуждения. Твоя мать никогда не согласится продать дом.

Джейн бросила взгляд на облупившуюся краску, на выцветшую обивку кресел.

– Прежде всего, я беспокоюсь о ней. Она слишком стара, чтобы жить одной, особенно учитывая ее нелепые детские фантазии. Кто-то же должен взять на себя ответственность за нее и сделать то, что надлежит сделать. – Она одним глотком допила вино и облизнула губы. – В конце концов, это все ради ее собственного блага.

Вход в квартиру Джека со стороны сада отгораживали небольшие ворота из темного кованого чугуна. Затем надо было спуститься по лестнице вниз – ниже уровня улицы. Однако это вовсе не был мрачный полуподвал, как ожидала Фэй, все выглядело очень мило. В уголке перед входом стояли большие терракотовые горшки с буйными кустами красной герани, а передняя дверь была окрашена в ярко-вишневый цвет. Фэй подняла руку и постучала три раза.

Через мгновение дверь распахнулась, и на пороге появился Джек, на его лице читалось крайнее удивление – видимо, он не ожидал увидеть ее здесь.

– Миссис О'Нил, – произнес он с веселым блеском в глазах, – не поздновато ли для того, чтобы позаимствовать у соседа чашку сахарного песка?

Он загораживал весь дверной проем, и Фэй поняла, что он на самом деле гораздо выше, чем показалось ей сначала. Однако улыбка его была такой же, какой она ее запомнила: с очаровательными ямочками на щеках. Улыбался он словно нехотя, но уж если это делал, то сражал обаянием наповал, и при этом казалось, что во всем мире для него существует только она одна.

– На самом деле, доктор Грэхем, я зашла позаимствовать немного сострадания.

Улыбка медленно сползла с его лица, на смену ей пришло любопытство и, как Фэй с удовлетворением заметила, даже некоторое беспокойство.

– Понятно. Что ж, не желаете зайти?

– Нет, это лишнее. Я не отниму у вас много времени. – Она знала, что это звучит довольно резко, и видела, что на лице у Джека промелькнуло удивление, однако он постарался выглядеть серьезным. Джек скрестил руки на груди и прислонился к дверному косяку, изображая полное внимание.

– Доктор Грэхем, – медленно начала Фэй, чувствуя себя неловко под его пристальным взглядом и тщательно подбирая слова.

– Зовите меня Джек.

Она запнулась и нахмурилась.

– Понимаете, – произнесла Фэй с растущим раздражением, – мои дети приучены с осторожностью относиться к незнакомым людям. Не проявлять излишнего дружелюбия. На то есть конкретные причины, о которых я предпочитаю умолчать, скажу лишь, что мне бы хотелось, чтобы они не теряли привычной для них бдительности.

Она посмотрела на Джека, надеясь, что тот поймет ее намек, но он лишь поднял бровь, всем своим видом показывая, что ждет продолжения.

– Поймите, это вовсе не значит, что я не ценю добрососедского отношения с вашей стороны, но, честно говоря, вы несколько ускоряете события. После первой же встречи дети уже зовут вас по имени, спрашивают, можно ли сходить к вам в гости, и, что хуже всего, не могут ни о чем говорить, кроме как о бедной старой миссис Форрестер и о том, действи-

тельно ли она та самая Венди, которая дружит с Питером Пэном и нельзя ли с ним познакомиться! Представляете? – Она развела руки, словно удивляясь столь неразумному поведению собственных детей.

Однако, к ее великому ужасу, вместо понимания на лице Джека Грэхема появилась торжествующая улыбка.

– Вот и отлично! – воскликнул он с энтузиазмом. – Боже мой, до чего же мне нравятся эти дети!

Фэй с укором уставилась на него. Да, этот человек неисправим!

– Доктор Грэхем, настоятельно прошу не поощрять моих детей в их фантазиях насчет старой миссис Форрестер и Питера Пэна. Это... видите ли... – Она тщетно пыталась найти нужные слова.

– Вы хотите сказать, что взрослые не должны себя так вести?

– Это же все неправда! – воскликнула Фэй, уязвленная до глубины души.

– Могу я узнать, сколько лет вашим детям?

– Мэдди восемь, а Тому шесть.

– У них есть какие-нибудь развлечения? Я имею в виду, они только что приехали в этот город, в эту страну. Вряд ли у них здесь много друзей. Я часто вижу их в саду, но сомневаюсь, что борьба с сорняками – увлекательное занятие для ребенка в летнее время. Чем они занимаются весь день?

Фэй и сама по этому поводу беспокоилась, но при чем тут доктор Грэхем? Это уж точно не его дело!

– Я пытаюсь решить эту проблему. И вас это совершенно не касается. Почему вы вообще об этом спрашиваете? Они причиняют вам беспокойство?

– Ни в коей мере, – непринужденным тоном ответил Джек. – Просто интересно. Им, должно быть, довольно одиноко, поскольку в округе мало детей. Неудивительно, что они так зацепились за эту идею с Венди. Она же сплошная загадка. Большой знак вопроса, который живет на третьем этаже. Для детей тайна всегда привлекательна. – Он усмехнулся и покачал головой. – Представляю, как разыгралось их воображение.

Фэй почувствовала, что ее злость тает, она с трудом сдержала улыбку.

– Конечно, разыгралось. На полную катушку. Я слышу, как они шепчутся по ночам в постели, стоит мне выключить свет. – Она провела пальцами по волосам и вздохнула. Подняв глаза, она увидела, что Джек пристально смотрит на нее. Он задумчиво рассматривал ее волосы, лицо, а потом взглянул прямо в глаза с неожиданно вспыхнувшим интересом.

– Вы уверены, что не хотите заглянуть ко мне ненадолго? Могу предложить вам что-нибудь выпить.

– Нет спасибо, не могу. Меня дети ждут. Я просто зашла попросить... – Она замолчала. После слов Джека ей внезапно пришло в голову, что жестоко и неправильно препятствовать интересу детей к Безумной Венди. Она тряхнула головой с вызывающим видом.

– Ох... Теперь даже и не знаю, о чем хотела вас попросить...

– Фэй, – произнес Джек, выпрямляясь и засовывая руки в задние карманы. Он прямо-таки нависал над ней. – Вот что я вам скажу. Я не собираюсь поощрять их интерес к Венди, но и убеждать их оставить ее в покое также не буду. Потому что вы меня об этом попросили. В ответ мне тоже хотелось бы вас кое о чем попросить.

Эти слова застали ее врасплох. Что ему может от нее понадобиться?

– Лето уже не за горами, и перспективы у меня здесь тоже весьма безрадостные. С момента приезда сюда прошлой осенью я работаю круглые сутки напролет и, честно говоря, не хочется уезжать из этого замечательного города, не ознакомившись с его достопримечательностями. И, – он пожал плечами, – мне здесь тоже довольно одиноко. Почему бы нам не объединить усилия и не поразвлечься немного вместе? Мы можем сводить детей в парки,

музеи, осмотрим Биг-Бен, Букингемский дворец... Словом, все, что положено видеть туристам.

Фэй поджала губы, размышляя над этим предложением. Она была уверена, что дети будут в восторге от таких экскурсий. Сосед казался ей вполне доброжелательным, и осматривать достопримечательности, конечно же, лучше в приятной компании.

– Но я же вас совсем не знаю, – сказала она, ища пути к отступлению.

– И я вас тоже. Давайте попьем чаю в саду на этой неделе, и я расскажу вам о себе все, может быть, даже больше, чем вы захотите узнать.

Должно быть, он заметил смятение на ее лице, поэтому продолжил с настойчивостью в голосе.

– Мы же с вами соседи. К тому же земляки. Решайтесь же, миссис Фэй О’Нил из квартиры 1 А. – Он вытащил правую руку из заднего кармана брюк и протянул ее Фэй в знак примирения. – По-моему, нам ничего не остается, как стать друзьями.

Фэй покусывала нижнюю губу. Этот мужчина казался таким искренним, прямой взгляд его карих глаз говорил о том, что ему можно доверять. К тому же будет неплохо обзавестись другом в Лондоне, подумала она с тоской, остро осознавая свое одиночество.

– Что ж, я не против, – наконец решила она.

Фэй ответила на рукопожатие, чувствуя, как ее рука тонет в большой ладони Джека и ощущая при этом странное покалывание в пальцах. Она почувствовала, как ее щеки залил предательский румянец, выдавая ее чувства. Чтобы нейтрализовать неловкую ситуацию, она крепко – чисто по-соседски – пожала его руку.

– Пора бежать, – смущенно пробормотала она, повернулась и начала быстро подниматься по лестнице. Даже не оборачиваясь, она чувствовала его взгляд на спине и, только завернув за угол, смогла расслабиться и облегченно вздохнуть.

Весь следующий день лил проливной дождь и дети были вынуждены сидеть в четырех стенах. Они выглядывали из окна на улицу, как мышки из норки. К тому времени, когда надо было отправляться спать, они уже переиграли со всеми игрушками, насмотрелись телевизор до появления черных точек в глазах и измучили мать, заставляя ее читать им сказки до хрипоты. Поэтому когда Фэй выключила наконец свет и тихо закрыла за собой дверь, они приподнялись, опершись на локти, и принялись оживленно болтать шепотом, потому что спать им совсем не хотелось и их до краев переполняла веселая энергия и желание пошалить.

– Ну хорошо, – сказала Мэдди, глядя на Тома серьезными глазами. – Помнишь, что мы собирались сделать? Пробраться на третий этаж, так ведь? Посмотрим, что там такого странного. Это же не значит, что не слушаемся маму. Нам просто интересно, что там происходит, вот, – ответила она сама себе, а Том тут же согласно кивнул.

Детишки выскользнули из постелей и, проверив, нет ли кого в коридоре, на цыпочках проследовали мимо спальни матери – Фэй работала за письменным столом, сидя к ним спиной, – и дальше вниз по лестнице, через гостиную и переднюю дверь, предусмотрительно оставив ее широко открытой на случай поспешного отступления, – мало ли что может случиться.

Холл освещала одна-единственная лампа в стиле хэпплуайт, и путь до следующего лестничного пролета с одним светильником на стене показался детям бесконечно долгим. В полутьме их тени казались пугающе длинными.

– Слушай, ты иди первым, – приказала Мэдди Тому, подталкивая его к лестнице.

Том попятился и прижался к сестренке.

– Иди-иди, нечего трусить.

На лице Тома было написано, что он отчаянно боится, но он все же расправил острые плечики так, что они торчали под тонкой тканью майки, словно наконечники стрел, упрямо

выпятил подбородок, растопырил руки, в любую минуту готовый к бегству от опасности, и медленно направился вверх по лестнице до следующего пролета.

Сердце Мэдди отчаянно колотилось в груди, когда она наблюдала за тем, как ее братишка переставляет ноги с одной скрипучей ступеньки на другую. Оказавшись наконец на лестничной площадке, он повернулся и робко ей улыбнулся. Мэдди быстро последовала за ним и снисходительно похлопала его по плечу в знак одобрения, как строгий генерал своего подчиненного.

– Отлично, Том. Ты просто молодец. Такой храбрый. Ну, а теперь поднимайся дальше.

Улыбка исчезла с лица Тома при взгляде на следующий длинный лестничный пролет, ведущий на третий этаж. Там же территория, куда людям путь заказан, райская обитель Безумной Венди. В конце лестницы его ждет туманная, ужасная неизвестность. И снова Том отступил, тряся головой и пытаясь спрятаться в угол.

– Ну хорошо. Пойдем вместе, – снизошла Мэдди, у которой тоже колени подгибались от страха. Они достаточно фантазировали на тему Безумной Венди и гадали, действительно ли она та самая подружка Питера Пэна? Или же на самом деле это отвратительная старая ведьма с бородавкой на носу и ужасным запахом изо рта, которая ест маленьких детей или ловит их и сажает в клетку, чтобы сначала откормить, если они такие же худые, как они, а уж потом полакомиться ими. Они слышали много страшных историй о ведьмах и после того, как мама гасила свет и закрывала дверь в их спальню, принимались перебивать кости загадочной Венди, которая появляется только по ночам. К тому моменту, как они поднялись наверх, они уже задыхались от страха и предвкушения приключений.

– У нас получилось! – прошептала Мэдди, выпрямляя спину. Щеки ее заливал яркий румянец.

Но Том не обращал на нее ни малейшего внимания. Он стоял, слегка согнув спину, с очень сосредоточенным видом и, наклонив голову вбок, явно к чему-то прислушивался. Мэдди последовала его примеру. Через несколько мгновений она услышала то, что слышал ее брат: приглушенный нежный звон колокольчиков. Они подошли ближе к двери квартиры на третьем этаже и напрягли слух. До их ушей снова донесся звон колокольчиков.

Внезапно из-под двери показался луч света, возможно от фонарика. Вот он снова мелькнул и опять пропал!

Мэдди отступила назад.

– Быстро бежим отсюда!

Однако Тома разбирало любопытство, и он почти согнулся пополам, пытаясь заглянуть под дверь. Внезапно из-под двери вырвался светящийся шарик. Мэдди ахнула и вжалась в стену, а таинственный шар рикошетом отскочил от перил, подпрыгнув до потолка, а затем облетел вокруг головы мальчика. Том скосил глаза, следя за траекторией полета шара и счастливо улыбаясь. Вдруг шар резко сменил направление и полетел прямо к Мэдди. Девочка взвизгнула, почувствовав, что ее словно ущипнули за щеку.

Это было уже слишком. Резко развернувшись, она стремглав понеслась вниз по лестнице. Том бежал вслед за ней, почти наступая ей на пятки, а яркий светящийся шарик упорно гнался за ними, крутясь вокруг их голов, словно разъяренная пчела. Мэдди и Том вбежали в переднюю дверь, захлопнули ее за собой, молнией пронеслись по лестнице в спальню, захлопнув и эту дверь, нырнули в постель и накрылись с головой одеялами.

– Что здесь происходит? – сердито спросила Фэй, входя в спальню и включая верхний свет.

– Ничего, – ответила Мэдди, – мы просто играли.

– Все, хватит игр, – резко произнесла Фэй. – Спать пора. На сей раз я не шучу. – С этими словами она выключила свет и плотно закрыла дверь.

Мэдди дрожала мелкой дрожью под одеялом. Но Том высунул голову, встал на кровати на колени и принялся смотреть в окно спальни, вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть окно на третьем этаже. Он прикоснулся к щеке, вспоминая волшебный поцелуй, и улыбнулся.

Глава 4

Еще солнце не взошло, а Фэй уже сидела перед зеркалом и пыталась обвести глаза серой подводкой. Несмотря на то что настроена она была весьма решительно, рука ее дрожала. Когда она откинулась назад, чтобы полюбоваться плодами своих усилий, то увидела, что линия оказалась кривой и прерывистой.

Выругавшись шепотом, она вытащила салфетку и принялась стирать следы своей нервозности. Господи, почему она так боится? Конечно, это первый день на новой работе, но она же знает, как справиться. Рука ее застыла в воздухе, а на лице отразилось отчаяние. Все шло не так, как надо. Она боялась, что завалит работу. На двух руках хватило бы пальцев, чтобы сосчитать, сколько лет назад она последний раз работала в рекламном агентстве.

– Боже, – прошептала она, пытаясь выровнять кривую линию подводки. – Восемь лет уже прошло... Как быстро мчится время... – Она попыталась пальцем расправить морщинки в уголках глаз. Откинувшись назад, она изучала в зеркале свое отражение. Кто эта женщина, которая смотрит на нее? Она ее с трудом узнавала. Потухший взгляд... Она постарела, но не от времени, а скорее из-за житейских неурядиц. Ей пришлось вести суровые битвы. Если судить по тому, что ей пришлось пережить, то она действительно была очень стара.

Интересно, заметит ли Бернард Роббинс эти изменения? Бернард в свое время был ее начальником в агентстве «Лео Бернетт» в Чикаго. Накладывая тональный крем, Фэй вспоминала, как когда-то Бернард дал ей, юной выпускнице колледжа, шанс и позволил работать в престижной компании. Ее благодарность не знала границ: она работала до полного изнеможения и оправдала его доверие, умудрившись привлечь перспективного рекламодателя. Всего через два года работы в компании она уже занимала должность менеджера по работе с крупными клиентами. Она заработала себе репутацию умного и эффективного работника. К членам команды относилась весьма требовательно, но не более, чем к себе самой. В конце концов, вся команда пользовалась ее успехами, а некоторые даже вместе с ней продвигались по карьерной лестнице.

Одним из таких соратников был ее бывший муж, Роб О'Нил. Это был привлекательный, чрезвычайно способный копирайтер, который считался в своей области звездой. Он обладал не просто талантом, а ярко выраженным индивидуальным стилем. Он знал себе цену, и Фэй тоже знала, как, впрочем, и все окружающие. Когда он направил на нее свое неотразимое обаяние, она не смогла устоять, как и любой клиент, для кого он писал рекламные тексты.

Молодая, глупая, безумно влюбленная, она по-детски опрометчиво отказалась от всего ради Роба, даже от здравого смысла. Фэй невольно поморщилась при воспоминании о том, как она практически вынудила Роба жениться на ней. Что же касается Роба, то он не желал связывать себя узами брака. Но Фэй, когда ставила перед собой какую-либо задачу, превращалась в непреодолимую силу, все сметающую на своем пути. Она подталкивала его к решению, твердо стояла на своем, и, к всеобщему удивлению, они довольно скоропалительно поженились. Фэй бросила работу в «Лео Бернетт», и вскоре на свет появилась Мэдди. Вначале Роба увлекла идея отцовства. Для него это был совсем новый опыт, волнующий и вызывающий море эмоций, как и любая из разработанных им рекламных кампаний. Младенцы были такими милыми, так приятно пахли. Он даже шутил, что теперь понимает, почему многие клиенты хотят видеть в рекламе детишек.

Но после рождения Тома Роб заскучал. Двое детей требовали большей заботы, и он внезапно почувствовал себя в ловушке. И, как любое загнанное в угол животное, начал огрызаться и нападать.

Фэй наклонилась к зеркалу и, приподняв руку, легонько провела пальцем по нежной коже вокруг глаз. Как часто ей приходилось замазывать лицо косметикой, пряча отеки и синяки. Она допустила большую ошибку, что не ушла от мужа сразу же после того, как он впервые ее ударил. А потом она ошиблась снова: она позволила ему ударить ее еще раз.

В прекрасной гостиной очаровательного дома на Северном побережье, куда Фэй въехала юной цветущей невестой, он оскорблял ее, выкрикивая страшные ругательства, заявляя, что безумно сожалел, что женился на ней. Ведь это она, Фэй, заманила его в ловушку. Он никогда не хотел быть обремененным семьей, детьми. Безумно страдая от чувства вины, Фэй старалась не злить его и делала все так, как он требовал, ради мира в семье. Она даже пропускала мимо ушей сплетни, которые доброжелатели спешили донести до ее сведения, утверждая, что она имеет право знать, что ее мужа слишком часто видят в обществе привлекательной девушки, нового менеджера по работе с клиентами.

Но как ни старалась Фэй угодить мужу, он никогда не был доволен. Роб всегда находил новые способы унижить ее: отпускал оскорбительные замечания о ее внешности, высмеивал каждое ее суждение, был холоден в постели и часто награждал оплеухами. Со временем она просто перестала испытывать хоть какие-то эмоции. Словно золотой слиток под безжалостным молотком, ее нежность и женственность сжались до размеров крошечного, очень плотного шарика.

Фэй вздохнула при виде напряженного, даже изможденного лица в зеркале. Что же случилось с той полной энтузиазма девушкой с блестящими глазами, которая когда-то так уверенно вошла в офис «Лео Барнетт»? Попытки найти работу на бирже труда привели к отрезвляющему эффекту. Ей было уже тридцать пять – можно сказать, она уже вышла в тираж. Никто не желал нанимать менеджера по работе с клиентами с десятилетним перерывом в работе. Все усилия по трудоустройству были напрасны. Она уже отчаялась настолько, что почти согласилась на должность секретаря в приемной в одном из агентств. Но тут вдруг ей позвонил Бернارد Роббинс. Он был недавно назначен президентом филиала «Лео Барнетт» в Лондоне. Для него это назначение стало большим карьерным успехом, и на этом пути он хотел окружить себя проверенными людьми. Он предложил Фэй поработать в лондонской команде, и они оба знали, что это было не просто предложение о сотрудничестве. Для нее это была возможность вернуться в игру в качестве ключевого игрока. Если она успешно справится с контрактом, вести который он ей предложил, она останется работать в компании. Если же ее постигнет неудача, он не мог ей обещать постоянную работу. Это было все, что он мог для нее сейчас сделать.

Теперь дело за ней, и уж она постарается показать все, на что способна. Ради Бернарда, ради Тома и Мэдди, ради себя самой. Ставки были высоки, как никогда. Она крепко сжала в ладони тюбик помады. Фэй О'Нил, которую помнил Бернارد Роббинс, была ярким красным пятном в мире серости. Ничто в мире не могло ей помешать в достижении ее целей.

С решительным блеском в голубых глазах Фэй нанесла слой ярко-красной помады на губы, твердой рукой обвела глаза и выровняла светлые тени на веках и румяна на щеках. В качестве завершающего штриха она зачесала волосы назад и уложила их в строгий пучок на затылке. Изучая свое отражение в зеркале, она испытала удовлетворение при виде безупречно ухоженной, элегантно, но не кричаще одетой деловой женщины. Возможно, уже не столь юной и полной решимости, но, к счастью, не такой наивной. Она поклялась носить эту маску непоколебимой уверенности, даже если сейчас она просто нарисована на ее лице. Со временем успех принесет ей и внутреннюю веру в себя. Она справится с этой работой. Чего бы ей это ни стоило.

Фэй окунулась в чудесное лондонское утро. Оглянувшись через плечо, чтобы удостовериться, что закрыла переднюю дверь, она столкнулась с Джеком Грэхемом, который как

раз выходил из своей квартиры на первом этаже. Они оба отскочили, произнося слова извинения, но Джек пришел в себя быстрее.

– Неужели это вы, миссис О’Нил? – церемонно произнес он, имитируя великосветское произношение. – Я с трудом узнал вас без мокрой губки в руке.

Фэй поджала губы, стараясь сдержать улыбку, и расправила юбку. Она лениво оглядела серый фланелевый костюм Джека, накрахмаленную белоснежную рубашку и галстук черно-красной расцветки.

– О нет, джентльмен, которого я вижу перед собой, не может быть доктором Джеком Грэхемом. Куда делись джинсы со свитером? Подумать только, какие на нем шикарные туфли!

– Всего лишь обычная униформа, – парировал Джек с живым блеском в глазах, – которую положено носить во время лекций, встреч с важными людьми, а также для того, чтобы произвести впечатление на очаровательных соседок. Ну, как вы меня находите?

Она критически осмотрела его, но в душе не могла не признать, что ей понравилось то, что она увидела. Деловой костюм сидел на высокой стройной фигуре Джека как влитой, он выглядел почти таким же гламурным и привлекательным, как модель со страниц глянцевого журнала. Даже непокорные темные кудри, которые небрежно торчали в разные стороны, когда она видела его в последний раз, были зачесаны назад и тщательно уложены.

– Оказывается, вы все время водили меня за нос, уважаемый сосед. На самом деле вы сущий франт. Да, думаю, это точное определение.

– Боже, ну какой же я франт? Вы мне льстите. – Он принялся откровенно изучать ее наряд. – Что ж, получите ответный комплимент. Сегодня утром вы выглядите совершенно сногшибательно, миссис О’Нил!

– Благодарю вас, – ответила Фэй с легким кивком, отчаянно пытаясь перевести разговор в другое русло, – уж очень все это было похоже на флирт.

– Значит, сегодня ваш первый день на новой работе?

Она кивнула, сжав от волнения губы.

– Не очень хорошее начало. Няня опоздала, а мне еще надо найти дорогу к метро. Я вся на нервах.

– Метро здесь называют «труба». Но если вы спешите, то лучше поймать такси. Пойдемте со мной.

У нее было достаточно денег, чтобы позволить себе роскошь поездки на такси, но, взглянув на часы, она поняла, что у нее не остается выбора, как только последовать совету соседа.

Джек взял ее за локоть и провел до конца квартала. Она чувствовала его сильные пальцы на своей руке и, когда он ловко удержал ее, не позволив угодить в рытвину в асфальте, поняла, что кто-то явно учил доктора Грэхема хорошим манерам. На следующем углу, где начиналась большая магистраль, движение было еще более оживленным. Джек поднял руку, зажал нижнюю губу зубами и издал громкий свист, которым, наверное, мог бы гордиться любой житель Нью-Йорка. В мгновение ока из потока машин вынырнуло такси и подрулило к обочине.

– Карета подана, мадам.

– Вы тоже поедете?

– Нет, мне сегодня надо читать лекции в Оксфорде. – Он наклонился и сунул водителю несколько купюр. – Отвезите леди, куда она скажет.

– Не стоит этого делать, – сказала Фэй, открывая кошелек.

– Считайте, что это мой вам подарок в честь первого дня на новой работе. Мы же друзья, забыли?

Друзья. На сей раз, когда он произнес это слово, Фэй ему поверила. И у него была такая милая заразительная улыбка!

– Я помню, – ответила она и улыбнулась в ответ. – Благодарю, доктор Грэхем.

Он слегка поклонился, и его темные глаза вспыхнули.

– Джек.

– Хорошо, Джек, – сдалась она.

– Удачи вам сегодня, Фэй, – добавил Джек, закрывая дверцу машины. Такси тронулось с места и рвануло вперед по лондонским улицам.

В восемь тридцать она уже шла по устланному коврами холлу лондонского офиса «Лео Барнетт», прислушиваясь к гулу голосов, телефонным звонкам и стуку клавиатуры. Здесь чувствовалось биение жизни, ее бешеный ритм. Сердце Фэй забилось быстрее в радостном предвкушении.

Она поднялась на лифте во внутреннее святилище компании, где ковры были роскошнее, а стены украшали оригиналы картин известных художников. Секретарша Барнарда, узнав ее имя, взглянула в ежедневник и бесстрастным голосом объявила о ее прибытии через интерком, а затем легким жестом руки показала, куда ей следовало направляться.

– Входите, – раздался знакомый звучный баритон. Голос был такой громкий, что, казалось, от него может обрушиться потолок, и в нем присутствовали вызывающие нотки, словно его обладателя вовсе не беспокоило, что о нем могут подумать. Когда-то, много лет назад, она воспринимала этот ревущий голос как боевой клич. Сейчас же от волнения у нее перехватило дыхание.

Открыв дверь, она вошла в огромный кабинет из стекла и стали. В рекламном бизнесе размер кабинета всегда говорит о статусе и полномочиях его владельца, и обширные владения Барри служили свидетельством тех высот, которых ему удалось достичь в карьере. Офис располагался в одном из немногих небоскребов в этом районе, а футуристический дизайн в стиле хай-тек свидетельствовал об устремленности в будущее. Это как нельзя лучше подходило рекламному агентству, которое славилось своими безупречными, креативными и крайне агрессивными кампаниями.

Барнард, восседавший, как король, за столом размером с небольшой автомобиль, был окружен аурой власти. Он откинулся на спинку высокого черного кожаного кресла и скороговоркой вещал что-то по телефону. Увидев Фэй, он поднял голову и помахал ей свободной рукой. Фэй изо всех сил старалась сохранять невозмутимый вид и улыбнулась в ответ, затем повернулась и подошла к окну. Из офиса открывался живописный вид на Лондон. По сравнению с холодной сталью и стеклом небоскреба исторический центр города со своим духом старины и романтики оказал на нее успокаивающее воздействие. Глядя на величественную панораму, она испытала душевный подъем и подумала о том, какой замечательный город стал ее новым домом.

– Привет, Фэй! Давненько мы не виделись.

Она обернулась и увидела, что Барнард выбрался из-за стола и шел к ней по ковру, разведя руки. Подойдя, он прижал ее к мощной груди и с нежностью обнял.

– Барнард, – тихо произнесла она, отступая на шаг, и улыбнулась, глядя ему в лицо. Он мало изменился, разве что прибавилось немного седины, но, надо сказать, ему это шло. У него были пронзительные черные глаза и внушительный нос с горбинкой – сочетание, которое многие находили несколько пугающим.

– Боже, как же приятно видеть тебя снова, – произнес он, пристально вглядываясь в ее лицо. – Выглядишь потрясающе.

Фэй пыталась сохранять спокойствие, но чувствовала, что он уже заметил все признаки напряженности и усталости, которые она видела утром в зеркале.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила она.

– Как дети?

– Замечательно, благодарю. Просто замечательно, – ответила она, желая поскорее уйти от этой темы. Интересно, что ему известно про Тома? – Знаешь, я так благодарна тебе за то, что предоставил мне эту возможность. Особенно теперь, когда я...

– Черт, Фэй, мне не нужна твоя благодарность. Ты – мой главный козырь в этом проекте, друг, на которого всегда можно положиться... Ты мне нужна. Я с самого начала пребывания в Англии зондирую почву, пытаюсь подобраться к контракту с чайной компанией «Хэмптон Ти». Они хотят выйти на американский рынок, а кто может помочь им сделать это, как не международное рекламное агентство с центральным офисом на Среднем Западе? Я искал первоклассного менеджера по работе с крупными клиентами, желательного родом из Америки, и тут услышал, что ты в данный момент свободна. – Он пожал широкими плечами. – Вот и решил позвонить. Что в этом такого?

Фэй понимала, что Бернард намеренно скромничает, и испытывала чувство благодарности и преданности, которые и были ему нужны. Что ж, он получил, что хотел.

– Ты же знаешь, я сделаю все, что в моих силах.

– Знаю? Да я на это рассчитываю, Фэй. Но должен сказать тебе, это задача не из легких. Многие охотятся за этим контрактом, и конкуренция будет жесткой.

Она слегка скривила губы.

– Моя самая сложная задача сейчас – это найти хорошую няню для детей, – произнесла она, и в этом была доля правды. – По сравнению с этим все остальное ерунда.

Шеф коротко усмехнулся, а затем, внимательно оглядев Фэй, произнес:

– Нет. Твоя главная задача – разработать такое тендерное предложение, которое позволит нам захватить такого важного клиента, как «Хэмптон Ти», с потрохами.

Вот это новость! Фэй невольно поджала пальчики в синих лакированных туфельках.

– Можешь не сомневаться, я это сделаю.

– И помни: ты больше не домохозяйка, Фэй. Работа с клиентом прежде всего. Я рассчитываю на твою эффективность.

– Разумеется, – повторила она, проклиная себя за то, что говорит так же бездушно, совсем как Джейн Ллойд. Она ошибалась, и эта работа вовсе не ностальгическое возвращение домой после долгой разлуки. Бернард Роббинс, возможно, ведет себя дружелюбно, но все же не относится к числу ее близких друзей. Для него время – деньги, и она должна проявлять осторожность и не тратить ни то ни другое попусту.

– Контракт с «Хэмптон Ти» может быть просто огромным. Для всех хватит работы. Я ставлю на этот проект своих лучших людей. – Комплимент со смыслом. Фэй выпрямила спину, но предпочла промолчать.

– В настоящее время они лишь кончиками пальцев пытаются прощупать бурные воды американского рынка, – продолжал он. – Но, думаю, мы сумеем уговорить их совершить решительный нырок. Мы просто обязаны это сделать. Продукция у них великолепная. Приходилось когда-нибудь пробовать их чай?

Фэй в душе поблагодарила Бога за свою предусмотрительность. Первое, что она купила по приезду в Англию, была жестяная банка с чаем «Английский завтрак» производства «Хэмптон Ти». Она знала, что Бернард был ярким приверженцем идеи о том, что сотрудники должны хорошо знать продукцию, которую рекламируют, и верить в ее преимущества.

– Конечно, сэр. Я пробовала их разные чаи. Честно говоря, даже передать не могу, как они мне нравятся, – ответила Фэй, разумеется, слегка преувеличивая. – Такой насыщенный вкус, чудесный аромат. Для меня это странно, я ведь всегда предпочитала кофе.

– Об этих пристрастиях придется забыть. – Он громко расхохотался, глядя на ее удивленное лицо. – Ну ладно, может быть, мы сможем позволить себе когда-нибудь побаловаться и кофе. Ведь мы теперь представляем и колумбийскую кофейную компанию.

– Ну, нет уж, теперь для меня не существует ничего, кроме чая, пока я не заполучу этого клиента.

– Похвальный настрой. Ты успела просмотреть материал по «Хэмптон Ти», который я тебе послал?

– Конечно, самым внимательным образом. Правда, у меня есть несколько вопросов.

– Сегодня, чуть позже, я познакомлю тебя с нашей аналитической группой.

Он вернулся за письменный стол и принялся рыться в бумагах, наваленных на полированной поверхности. Фэй терпеливо ждала, стоя рядом. Судя по его манере поведения и выражению лица, время дружеских излияний закончилось. Теперь он думал только о бизнесе. Что же, для нее такой подход был даже предпочтительнее, тем более шеф вел себя так, словно она все эти годы продолжала на него работать. Он сунул изящную серебряную ручку в карман пиджака, а затем поднял со стола несколько картонных папок.

– Вот копии обзора, подготовленного нашими аналитиками, – произнес он, подходя к Фэй и передавая материалы. – Они основное внимание уделили качеству чая. Поэтому лучше сходи и поговори с ними, прежде чем встретишься с ребятами из «Хэмптона». Встреча назначена на следующую неделю. Твой секретарь согласует с тобой твоё расписание попозже.

– Хорошо, сэр.

Он с улыбкой посмотрел на нее.

– Ну что ж, пойдем, познакомлю тебя с бойцами. Они уже собрались в переговорной. Хочу незамедлительно приступить к разработке рекламной кампании.

Во рту у Фэй пересохло, ладони взмокли.

– Как, прямо сейчас?

Он удивленно поднял брови.

– Конечно, прямо сейчас. Все уже ждут. Почему бы и нет?

Фэй хотела сказать, что только что переступила порог офиса. Она еще даже не видела собственный кабинет, не познакомилась с секретаршей и еще не почувствовала здешнюю атмосферу. Черт, и чашка кофе ей бы не помешала. Но, зная Бернарда, можно было предположить, что на совещании будут подавать только чай. Однако, глядя в его блестящие от нетерпения глаза, Фэй понимала, что отказываться ни в коем случае нельзя. Ей оставалось только улыбнуться с самым верноподданническим видом и произнести:

– Конечно, почему бы и нет?

Было видно, что Бернард остался доволен ее ответом.

– Помнишь, как проходит обсуждение? Отлично, идем, помашем кнутом.

Помашем кнутом? Сидя на краешке стула в переговорной, Фэй чувствовала, что это скорее ее подвергают порке.

Не успев войти в комнату, она тут же почувствовала на себе пристальные взгляды, которые словно пробуравливали ее насквозь. Она бесстрастно улыбнулась и поприветствовала присутствующих – не слишком приветливо, но и не слишком холодно, прекрасно осознавая, что ее строгий, прекрасно скроенный темно-синий костюм от известного дизайнера выдержит самый критический осмотр. Туфли тоже стоили тех недель диеты на хлебе и ореховом масле, которые она стоически выдержала, чтобы позволить себе купить их. После того как она заняла свое место, Бернард представил ее как специалиста, которого он лично пригласил из Чикаго для работы в этом проекте. Глаза всех участников совещания мгновенно устремились на привлекательную миниатюрную женщину, и глаза эти были полны подозрения.

Бернард был прав – в зале собрались абсолютно все. Сначала он представил руководителя группы по работе с этим клиентом – Сьюзан Перкинс. Это была женщина с яркой

незаурядной внешностью, холодной улыбкой и пронизательными голубыми глазами, которые, казалось, снимали с человека шелуху слой за слоем, словно лазер. Патрик и Гарри, копирайтеры, Паскаль, арт-директор, – все они входили в группу, которую Бернард называл «креативной». Джордж и Джайшри отвечали за производство рекламной продукции и связь со средствами массовой информации.

Улыбаясь и стараясь запомнить имена присутствующих, Фэй про себя подумала, что, несмотря на то что они выглядели по-разному и говорили с разным акцентом, их всех объединяло одно качество – неумные амбиции. Однако каким точным было высказывание Бернарда, когда он сравнил ее с укротительницей хищников на арене цирка, окруженную разъяренными львами и тиграми, готовыми в любой момент броситься на нее и сожрать, стоит только ей потерять бдительность. Впрочем, Бернард любил, когда его люди вели себя, как изголодавшиеся хищники. Он чувствовал, что это подстегивает творческую энергию. Когда-то, десять лет назад, Фэй просто купалась в этой атмосфере, и ей казалось, что каждая ее новая идея рассекает воздух, как хлыст укротителя. Она ликовала всякий раз, когда ей удавалось сокрушить противника.

Но в тот день, сидя во главе стола в переговорной и глядя на сверкающие глаза и оскаленные зубы, которые ей виделись сквозь недобрые улыбки, Фэй содрогнулась. Укротитель львов, потерявший уверенность, всегда рискует жизнью. Впервые за все годы работы в рекламном бизнесе Фэй О'Нил испытывала страх.

И львы, плотным кольцом обступившие ее, почувствовали это.

Глава 5

Приближалось лето. Дни становились длиннее, птицы уже высиживали птенцов в гнездах. Неспешное буйство природы зачаровывало: деревья покрылись блестящими ярко-зелеными листочками, семена одуванчиков срывались при малейшем дуновении ветерка и невесомо парили в воздухе. Мэдди ходила вдоль полосок земли у фонтана, где она посадила цветы, и бдительно охраняла их, как бесстрашная птица, никого не подпускающая никого к своим птенцам.

Джек усмехнулся, слушая, как сюсюкает Мэдди, обращаясь к хрупким зеленым росточкам, пробивающимся сквозь тщательно взрыхленную почву, и снова перегнулся через каменный край бассейна. В последние недели все свободное от работы время, которое выпадало нечасто, он посвящал починке фонтана, и в процессе работы обнаружил, что наслаждается свежим воздухом и солнечным теплом после долгих месяцев почти непрерывного чтения лекций и решения уравнений теоретической физики.

– Может, принести вам стакан воды, Джек? – спросила Мэдди, наклоняясь, чтобы увидеть его лицо.

Джек стер со щеки машинное масло и улыбнулся девочке, смотрящей на него с неприкрытым обожанием. Надо признать, ему нравилось, что Мэдди относилась к нему, как к герою, с того самого времени, как он начал чинить фонтан. Девочка по-прежнему помыкала Томом, гоня бедного малыша с разными поручениями, но, общаясь с Джеком, просто растекалась патокой. Вот ведь хитрая лисичка, усмехаясь, думал он. Когда-нибудь она непременно разобьет немало сердец. Впрочем, иллюзий по поводу ее хорошего отношения он не питал и понимал, что все это обожание продлится ровно до того момента, как он оживит ее любимого Питера Пэна и фонтан снова заработает.

– Не помешает, спасибо.

– Мм-м... Джек, как продвигаются дела?

– Пока сложно сказать. В этом старом агрегате все насквозь проржавело. – Видя разочарование на ее мордашке, он многозначительно пошевелил бровями и добавил:

– Но надежда есть.

Личико девочки расплылось в широкой улыбке, она радостно кивнула и побежала в дом за водой.

Уголкем глаз Джек заметил Тома, который внимательно наблюдал за ним из своего привычного укрытия – непомерно разросшегося куста самшита. Они уже несколько недель играли в кошки-мышки, но Том так и не шел на контакт. Малыш с огромными глазами и нервными жестами был очень застенчив. Когда он не следил за Джеком, то смотрел на окна Безумной Венди. Может быть, подумал Джек, настало время бросить небольшую наживку.

Джек схватил плоскогубцы и устроил целый спектакль, делая вид, что пытается вытящить один из проржавевших болтов. Он отчаянно пытался, изображая, что тянет болт изо всей силы. Незаметно поглядывая в сторону куста, он заметил, что Том выбрался из своего укромного места и тихонько стоит, наблюдая за процессом.

– Ух, нелегкая задача, – громко произнес Джек. – Помощь бы не помешала.

Том продолжал стоять тихо, как мышка.

Джек напряженно гадал, что же могло произойти в жизни мальчика, что сделало его таким пугливым. Он был уверен, что если окликнет его сейчас по имени, Том испугается и мгновенно спрячется в куст или побежит в свою комнату, где, как рассказывала вредная Мэдди, спрячется под кроватью и будет читать книжки. То, что он в шесть лет мог читать книги сам, говорило о немалых способностях мальчика. И все-таки почему он ведет себя так

странно, он же не глухонемой, это Джек точно знал со слов Мэдди. Почему у него всегда такой хмурый вид и рот на замке?

Джек решил попробовать применить другую стратегию – он сдвинул ногу, словно случайно задев отвертку и передвигая ее ближе к Тому. А потом притворился, что безуспешно пытается дотянуться до инструмента.

– Ну и как мне теперь прикажете достать эту отвертку, ведь надо придерживать болт? – Том стоял, уставившись на отвертку и крепко сжимая руки. На его лице отражалось полное отчаяние. Джек задержал дыхание, стараясь не смотреть в сторону мальчика и больше не произнося ни слова.

– Ну же, малыш, действуй... – тихо прошептал он.

И вот с крайне сосредоточенным выражением лица Том наклонился, почти согнувшись пополам, и поднял длинный тяжелый инструмент. Он некоторое время держал его в маленькой ручке, словно взвешивая, и явно собирался с духом. Джек видел, как он от страха наморщил лоб и стал похож на маленького старичка, и ему захотелось поднять мальчика на руки, успокоить, а потом пощекотать, чтобы тот рассмеялся. Он готов был сделать что угодно, лишь бы это странное взрослое выражение покинуло детское личико.

Его сердце просто разрывалось от жалости к мальчику. Внезапно перед его глазами предстали лица других детей, которые выглядели такими же жалкими и испуганными. Это были мальчики из приюта, где он когда-то жил.

Первые воспоминания детства...

Он крепко закрыл глаза, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь. Прорываясь сквозь туман забытья, он увидел смутные образы детишек: рыжие, темные, светлые головы. Лица, которые все без исключения выражали ту же бесконечную грусть, как и лицо его маленького соседа Тома. Наконец он вспомнил их имена: Эдди... Бобби... Мак... Эдди был глухой на одно ухо, куда пьяница-отец ударил его кулаком. Бобби прихрамывал на левую ногу, но никогда не рассказывал, почему. А Мак... Джек так и не понял, что произошло с Маком. Как и Том, он был неразговорчив. Никто из мальчиков не рассказывал подробностей своей жизни, но всем было известно, что с ними плохо обращались в семьях. С ним самим, видимо, тоже...

Когда Джек открыл глаза, то увидел, что отвертка лежит в пределах досягаемости его руки. Но маленький мальчик, как и его воспоминания, исчез.

В тот же день после обеда, когда дети уже вернулись в дом, Джек бросил на землю свои инструменты и прекратил бесплодную борьбу с фонтаном. Он потянулся, чтобы размять затекшие мышцы, и рухнул в одно из четырех зеленых чугунных кресел, которые стояли на вымощенной плиткой площадке. Удовлетворенно вздохнув, он устроился там и медленно потягивал джин с тоником. Термос с райским напитком и стакан стояли на столе. Он сделал еще один глоток, когда дверь открылась и на пороге показалась Фэй О'Нил. Джек улыбнулся в предвкушении, словно кошка при виде мышки.

– О, вижу, вы решили ко мне присоединиться. Надеюсь, не откажетесь выпить стаканчик-другой? – спросил он, подняв бровь и наблюдая за ее реакцией.

Она вздрогнула и поспешно поправила выбившийся из прически завиток.

– Ой, это вы, доктор... – Фэй прервалась и быстро исправила оплошность. – Джек. На самом деле я пришла, чтобы убрать мусор за детьми. – Она покачала головой. – Видите: совки, перчатки и грязь кругом. Ну ничего, скоро я приучу их самих наводить порядок.

– Если вы найдете способ заставить их это делать, вам надо будет написать книгу о воспитании трудолюбия у детей. Заработаете целое состояние.

– Как бы то ни было, попробовать стоит. – Она наклонилась, чтобы поднять грязные садовые перчатки, которые вполне подошли бы гному.

– Ну же, не стесняйтесь, Фэй. Садитесь, положите ноги на кресло и выпейте стаканчик. Вам не мешает немного расслабиться, знаете ли. Я ведь вижу, как вы тут суетитесь, и мне кажется, что рабы на галерах и то трудятся меньше. Вы работаете круглые сутки. Я тоже трудоголик, и смею вас заверить, что в конечном итоге это не приносит никакой выгоды. Кроме того, я ведь прекрасно помню о вашем обещании выпить что-нибудь со мной в саду.

– Что-то я не припомню, чтобы я это обещала, – с ухмылкой ответила Фэй, постукивая перчатками по ноге, чтобы стряхнуть грязь.

– Все зависит от того, как мы понимаем те или иные слова... – ответил Джек, снимая ноги с кресла и приглашая ее сесть рядом.

– Но этот беспорядок...

– Я помогу вам все убрать, если вы присядете и выпьете немного джина с тоником. Что скажете? – Он быстро повернулся и схватил термос. Плеск жидкости и стук льда о стенки стакана звучали, как симфония искушения. – Джин с тоником. Льдинки. Идеальный летний напиток.

– Боже, звучит заманчиво. Ну хорошо. В конце концов, мы же соседи.

– Друзья.

– Согласна. Но только один стаканчик. Так сказать, в честь знакомства.

– Одного стакана хватит, чтобы выслушать историю моей жизни.

– Чтобы выслушать мою историю, не хватит и кувшина, – со смешком произнесла Фэй, опускаясь в кресло. – Ой, что это такое? – Она повернула плечо, чтобы разглядеть хлопья зеленой краски и ржавчины, которые прилипли к ее белоснежной хлопчатобумажной блузке и рукам. Стряхнув их, она отметила:

– Прекрасные кресла. Настоящий раритет. Но как жаль, что они в таком плохом состоянии.

– Бедняжка Венди практически не выходит из своих комнат, а миссис Ллойд и не думает всем этим заниматься.

– Как странно, что вы называете пожилую женщину Венди, а ее дочь – миссис Ллойд. Это многое говорит об их характерах, не так ли? И все же это безобразие, что такое чудесное место находится в таком запустении. Ну почему больше не делают таких кресел? Я имею в виду, работу. Стил.

– После того как вы обратили на них внимание, я понял – эти кресла надо покрасить. Так же, как и стол.

– Я могла бы этим заняться, но, поверьте, разрываюсь между работой и детьми, и у меня нет ни одной свободной минуты, чтобы перевести дух.

– Я и не прошу вас это делать. А кем вы работаете?

– Я менеджер по работе с клиентами в рекламном агентстве «Лео Бернетт».

– Так вот кто пытается загнать вас до смерти? И с какими клиентами, интересно, вы работаете?

– С чайной компанией «Хэмптон Ти». Приходилось о них слышать?

– Ну, разумеется. Кто же их не знает? Но, честно говоря, я все-таки кофеман.

– Правда? – глаза Фэй сузились. – Значит, вы относитесь к целевой аудитории. Мне надо проявить изобретательность и попробовать заставить вас полюбить чай.

– Что ж, попытайтесь. – Он поднял стакан, чтобы чокнуться с ней.

Фэй застонала и последовала его примеру.

– Давайте поговорим об этом. – Она отпила большой глоток, наслаждаясь терпким вкусом ледяного напитка на языке. – Я мозги сломала, изучая результаты маркетингового исследования и пытаюсь выработать правильный подход.

– Но...

– Это непростая задача. Давайте признаем – американцы все же предпочитают кофе.

– И что из этого следует?..

Она усмехнулась и покачала головой.

– Разве этого недостаточно?

– Мне кажется, за этим предпочтением стоит нечто большее.

Улыбка исчезла с лица Фэй, она опустила палец в стакан и размешала им лед.

– Понимаете, я нервничаю, – сказала она, сама удивляясь, что признается в своих проблемах этому человеку, который был ей почти незнаком.

– Из-за чего же вы нервничаете?

– Что моя идея не будет достаточно эффективной. Что начальнику она не понравится. Не хочу его подводить. Я давно уже с ним не работала, но он в меня очень верит.

– Мне кажется, главное, чтобы вы сами были убеждены в том, что эта вера не беспочвенна. То есть вам стоит беспокоиться только о том, чтобы не подвести саму себя.

Фэй закатила глаза.

– Да, вы, наверное, правы.

– Нет, Фэй, я в этом просто уверен. Каждая новая идея – это дар богов. Когда она спускается к нам с небес, нужно поклониться и вознести ей хвалу. С полным смирением. И свято верить в эту идею, верить со всей страстью. Если вы сами не верите в нее, как можно ожидать, что другие поверят?

Фэй невольно выпрямилась в кресле. Сосед говорил очень искренне и убедительно.

– Но... – начала она, нахмутив брови, – откуда вы знаете, что эта идея хороша?

Он пожал плечами.

– Достаточно того, что вы это знаете.

– Но как я это пойму? – настаивала Фэй, искренне желая выслушать его соображения. Она собрала информацию о своем новом соседе и обнаружила, что его высоко ценили в научных кругах за блестящие концепции и неожиданные идеи.

Джек несколько мгновений раздумывал, а затем произнес:

– Просто доверяйте своей интуиции.

Энтузиазм Фэй тотчас же угас.

– Моей интуиции... – повторила она таким тоном, что сразу стало понятно, что она уже давно ей не доверяет.

– У меня есть на этот счет теория, – с улыбкой произнес Джек. – У каждого из нас есть интуиция, но у некоторых она более тонкая, что ли. Просто надо учиться к ней прислушиваться. Полагаю, вам следует потратить некоторое время, чтобы самой разобраться с вашими мыслями. Так сказать, подпитать творческое начало. Ну, не знаю, может быть, заняться чем-то, что доставляет вам удовольствие, пообщаться с природой. Прогуляйтесь в парке, полюбуйте наступающим летом. Ощутите ветер на своем лице. Походите босиком по земле. Или просто закиньте ноги на кресло и наслаждайтесь стаканчиком джина с тоником и волшебным весенним вечером в компании хорошего друга.

– Все это, конечно, замечательно, – тихо произнесла Фэй, – но есть одна проблема. Времени остается мало.

Он посмотрел ей в глаза, и когда заговорил, его взгляд лишь подчеркивал серьезность тона.

– И все же найдите время для себя, Фэй. Найдите время для игры в своей жизни.

Она не ответила, но при этом не отвела взгляда, хотя и чувствовала комок в горле.

– В вашей умной головке уже родилась идея, не так ли? – спросил он с лукавым блеском в глазах, наклонив голову вбок. – Я же вижу. Вы улыбаетесь. Значит, я не ошибся?

Она кивнула и невольно улыбнулась.

– Я так и знал!

– Вот только не надо манипулировать, – рассмеялась Фэй. – Просто есть кое-какие наметки, которые я обдумываю.

– Вот и развивайте эту идею, дружище. Доверяйте интуиции. Я ставлю на вас в этой игре.

Она словно светилась изнутри, и это было заметно даже в сгустившихся сумерках. Стоял тихий вечер. Птицы щебетали свои вечерние песни, деревья казались пурпурными на фоне розовеющего неба.

– Смотрите, Джек, – сказала Фэй, указывая на опускающееся к горизонту солнце. Казалось, что огромный красный шар балансировал на самом верху старой кирпичной стены сада. – Кажется, оно вот-вот скатится со стены и упадет в мусорный ящик.

Ее порадовал заразительный смех Джека, нарушивший тишину вечера, и она тоже громко рассмеялась вместе с ним.

Откинувшись на спинку кресла, она вдруг вспомнила, что когда-то была жизнерадостной молодой девушкой, которая смеялась, не боясь нарушить приличия. Смеялась просто потому, что радовалась жизни. Что-то в словах Джека пробудило забытый юношеский энтузиазм, непоколебимую веру в то, что весь мир принадлежал ей. Ее переполняла радость жизни, которую она уже давно не ощущала.

– Спасибо, Джек, за прекрасный вечер, – сказала она, ставя стакан на стол. – Уже поздно, мне пора идти. – Она подняла голову и благодарно улыбнулась ему. – Как ни странно, у меня появилось желание поработать.

В тот вечер Фэй работала допоздна, развивая свою идею. Но когда она наконец спустя несколько часов забралась в постель, ее мысли уже не занимала проблема продвижения чая на американский рынок и связанные с этим цифры. Она думала о Джеке, о его способности мгновенно схватывать суть вещей и о том, что в его присутствии она почему-то всегда чувствовала уверенность в собственных силах.

Джек был полной противоположностью Робу, который никогда не упускал возможность покритиковать Фэй, чтобы снизить ее самооценку. Закрыв глаза, она вызвала в памяти лицо Джека, его улыбку с ямочками на щеках, блеск его глаз, когда он говорил о чем-то, во что свято верил. Было ясно, что это человек, готовый защищать свои убеждения до конца. Фэй думала о достоинствах соседа вместо того, чтобы считать овец, и когда все же погрузилась в сон, на ее губах играла улыбка.

Когда она проснулась на следующее утро, то, как ни странно, была полна энергии и уверенности, что ее идея действительно лучшая. В офисе она погрузилась в работу и даже не пошла на обед, а к концу дня позвонила няне, которая сидела с детьми, и сообщила, что задержится на работе. Ей этого очень не хотелось, но нужно было доработать концепцию до конца, пока она не потеряла нить рассуждений.

Когда она закончила, было уже девять часов. Казалось, ее мозг истощил все запасы серого вещества. Потирая виски, она оглядела свой стерильно чистый кабинет десять на десять футов на двадцать третьем этаже высотного здания из стекла и стали. Металлический стол и кресло были единственной мебелью в маленькой квадратной комнате. Абсолютно голые стены, никаких картинок и прочих декоративных деталей. Окна в кабинете не открывались. Это было безликое, лишенное каких-либо признаков индивидуальности место, холодное, заполненное еще не открытыми коробками, пачками бумаги, которые еще предстояло загрузить в принтер, книгами, которые надо поставить на полки.

Она не могла позволить себе заняться обустройством кабинета, учитывая сжатые сроки, отпущенные шефом на разработку концепции. Фэй зевнула, поднялась с кресла, потянулась, вытянув руки над головой, а потом подошла к окну, чтобы полюбоваться раскинувшимся на другой стороне улицы парком. Там гуляли, держась за руки, влюбленные парочки,

стояла цветочница с маленькой тележкой, полной цветов, медленно брел старик, выгуливая на длинном поводке собачку.

Сердце ее наполнилось нежностью при виде этой идиллии, и она наклонилась вперед, прижимая лоб к стеклу. Ей нравились вечера в самом начале лета, когда теплый ветерок приносил с собой медовые запахи и все дышало спокойствием и негой. В такие вечера она особенно чувствовала свое одиночество: ей так хотелось, чтобы рядом был мужчина, который держал бы ее за руку, покупал бы ей цветы во время долгих прогулок в парке. У нее возникло непреодолимое желание пройтись босыми ногами по траве.

Поняв, что ее мысли приняли опасное направление, Фэй выпрямила спину и потерла глаза. Надо сконцентрироваться на работе, закончить ее и скорее бежать домой к детям. Она знала, что те находятся под бдительным присмотром няни. Фэй несколько раз звонила домой, чтобы удостовериться, что дети поужинали и почистили зубы перед сном. И конечно, чтобы сказать, как она их любит.

Фэй вернулась за письменный стол и взяла ручку, но никак не могла сосредоточиться. Мысли ее где-то блуждали. Она откинулась на спинку кресла и вытащила из ящика стола синий пластмассовый термос – ей явно не хватало чашечки крепкого кофе. Хорошая доза кофеина – и мозги снова заработают. Она открутила крышку, и в нос ей ударил манящий запах крепкого кофе «Ява».

– Мм-м... – она закрыла глаза и вдохнула чарующий аромат, горя от предвкушения.

– Вот ты и попалась.

Фэй отпрянула от термоса и открыла глаза. В дверях стоял Бернард, с осуждением взирая на нее поверх очков, оседлавших его аристократический нос. Она быстро закрыла крышку термоса и попыталась засунуть его в ящик.

– Не спеши, – произнес Бернард, входя в кабинет. – И чем это тут пахнет? – Он поднял нос и принюхался, словно огромная ищейка, готовая разразиться громогласным лаем. – Насколько я понимаю, это вовсе не чай.

– Ну, видишь ли, уже поздно... – заикаясь, попробовала оправдаться Фэй.

– Ну, разумеется, не чай. Ведь только один напиток на свете обладает этим глубоким, терпким, бесконечно чарующим ароматом.

Фэй подняла брови и вытащила термос из ящика.

– Ну хорошо, сдаюсь. Что называется, поймал с полочным. Да, это кофе.

Бернард скрестил руки на груди и усмехнулся.

– Послушай, Бернард, – начала Фэй, чувствуя, как в ней поднимается раздражение, накопившееся за многие часы работы. – За это короткое время я узнала о чае больше, чем за всю свою прежнюю жизнь. Начиная с легенды о том, что чудесные свойства чая были открыты просвещенным древним китайским императором с длинными тонкими усами до колен, когда листик чая с соседнего куста упал в кипящую воду, и заканчивая историей о том, что автором традиции английского послеобеденного чаепития является Анна, герцогиня Бедфордская, которая как-то заявила, что чай является лучшим способом унять голод и дотерпеть до ужина. – Она подняла толстую стопку бумаг и демонстративно пролистала ее.

– Итак, я изучила историю чая, чайные церемонии различных народов, рынок чайной продукции, английские и американские традиции чаепития и все свойства этого напитка, полезные для здоровья. – Она подняла руку и начала загибать пальцы. – Я пробовала черный чай, зеленый чай и травяной чай. Чай из Индии, Шри-Ланки, Кении, Малави, Индонезии и Китая. Я пробовала слабозаваренный, крепкозаваренный чай и даже чифирь. Пила просто чай, чай со сливками, сахаром, медом, особенно поздно вечером, когда надо было взбодриться. Перепробовала все. – Она повысила тон. – Утром, днем и вечером – только чай, пока он не начал литься из ушей! И какие бы элитные сорта я ни пробовала, хоть убей, я

так и не смогла привыкнуть к его вяжущему горькому вкусу. К тому же он сушит горло! – Она протянула руку, схватила термос, резким движением открутила крышку. – Не знаю, как насчет тебя, но я лично сейчас умру без хорошей чашки кофе!

Бернард воровато оглянулся и закрыл за собой дверь. Его темные глаза с поволокой смотрели на Фэй, разливающую кофе, с нескрываемым обожанием.

– Боже, какой чудный аромат! Это какой у тебя? Французский обжаренный? Кенийский?

Она с гордостью подняла голову.

– Колумбийский.

– Вот черт. А на две чашечки хватит?

Фэй полезла в ящик стола, достала еще одну кружку с надписью «Хэмптон Ти» и налила в нее кофе, чувствуя себя гнусной предательницей. Они склонились над столом, словно пара заговорщиков.

Бернард застонал от удовольствия, сделав первый глоток.

– Суций нектар, напиток богов! – промурлыкал он.

– А для меня – прямо-таки материнское молоко, – ответила Фэй, жадно потягивая горячий напиток.

– Подумать только, сидим тут, спрятавшись от всех, и нарушаем все правила.словно парочка наркоманов, дорвавшаяся до возжеленной дозы.

– Я приличная девочка. Прилежно работаю, не ковыряюсь в носу, да и тайных грехов у меня кот наплакал. Думаю, мне можно простить одну-единственную слабость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.